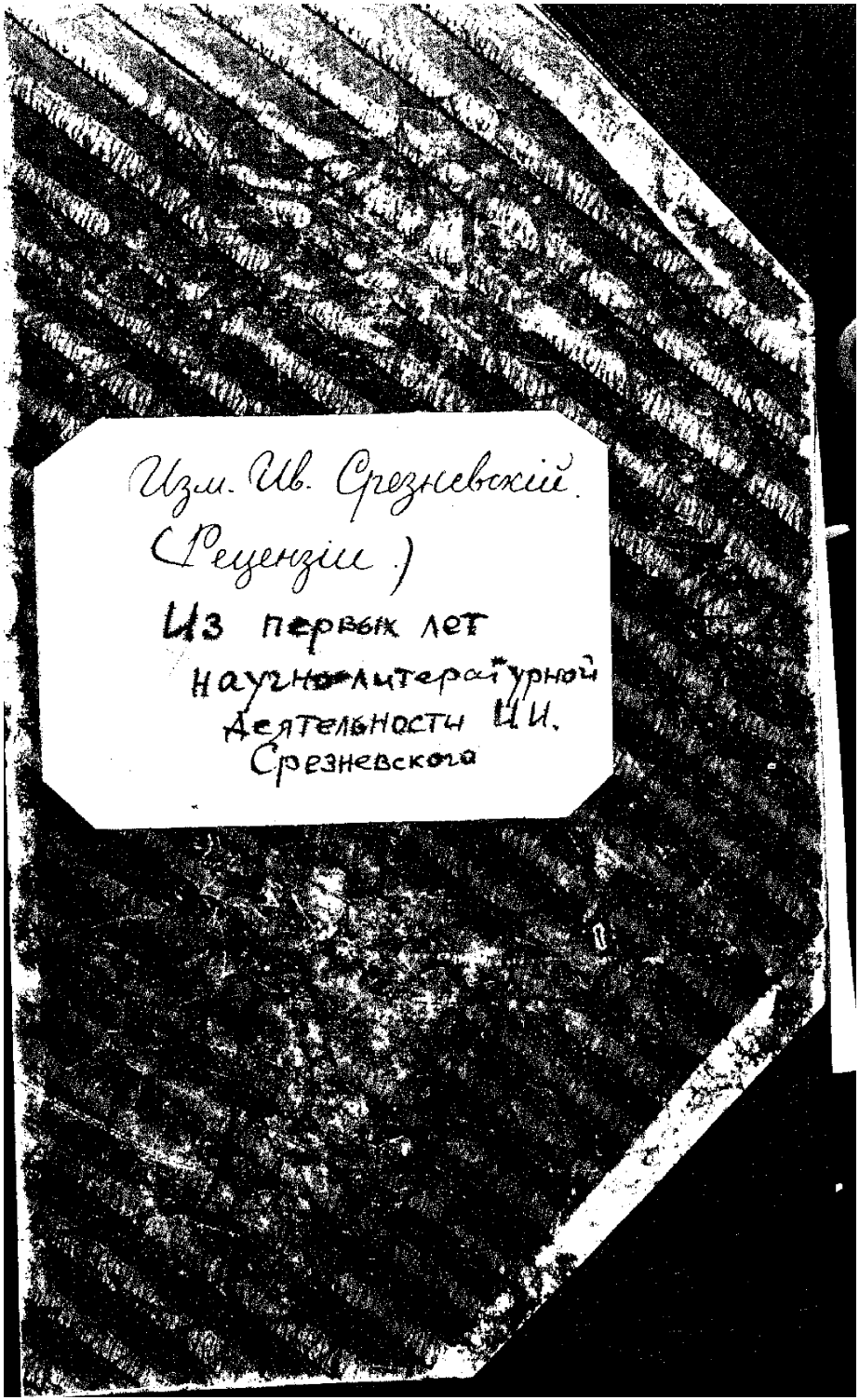
Изм. Ив. Срезневский.
(Рецензии.)
Из первых лет
научно-литературной
деятельности И.И.
Срезневского

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1831—1839 [1]).

I.

Двадцатые годы текущаго столѣтія были въ Малороссіи временемъ особеннаго движенія въ изученіи народности. Въ эти годы уже начало сказываться вліяніе учрежденія Харьковскаго университета, стало образовываться новое общество, стали развиваться новые взгляды, началось сближеніе, ассимиляція малорусскаго общества съ великорусскимъ. Такой переломъ въ общественной жизни былъ, повидимому, одною изъ главныхъ причинъ, двинувшихъ впередъ особенно сильно дѣло изученія народа. Подъ вліяніемъ этого перелома появились лица университетскаго образованія, которыя относились къ старой Малороссіи, къ ея прошлому, какъ къ нѣсколько уже отжившему, не слишкомъ имъ близкому, знакомому, слѣдовательно, какъ къ предмету наблюденія.

[1]) Матеріалами для настоящаго очерка послужили переписка И. И. Срезневскаго, нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ его личнаго архива, и дѣла Императорскаго Харьковскаго университета, главнымъ образомъ „дѣло о посылкѣ за границу молодого ученаго для замѣщенія каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ“. Цѣль очерка—изложить развитіе этнографическихъ работъ И. И. Срезневскаго въ связи съ развитіемъ круга его знакомствъ и исторію перехода въ его занятіяхъ отъ политическихъ наукъ къ славистикѣ; дѣятельности Измаила Ивановича, какъ профессора, касаюсь лишь настолько, насколько это нужно для главной моей задачи. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность М. М. Плохинскому за то участіе и помощь, которыя онъ мнѣ оказалъ во время моихъ занятій въ архивѣ Харьковскаго университета.

Съ ними на ряду явились другія лица, лица, которыхъ выставила борьба противъ ассимиляціи Малороссіи съ Россіей, мѣстный патріотизмъ; поддерживая національность, борясь за нее, они обратились къ старинѣ, сохранившейся въ пѣсняхъ, сказкахъ и особенно въ великолѣпныхъ думахъ. Наконецъ, подъ вліяніемъ того же перелома въ общественной жизни явились дѣятели литературы, продолжатели народныхъ поэтовъ; народная устная поэзія постепенно исчезала и забывалась; новая черпала свои силы изъ ея источника.

Начало этого движенія среди малорусскаго общества совпало со временемъ вступленія въ Харьковскій университетъ Измаила Ивановича Срезневскаго. 14-тилѣтній даровитый и энергичный юноша, съ дѣтскихъ лѣтъ подъ вліяніемъ умной и образованной матери [1]) полюбившій литературу и музыку, съ девятилѣтняго возраста начавшій заниматься стихотворствомъ [2]), онъ не могъ не прислушаться къ новому, увлекательному движенію и не поддаться ему; онъ началъ записывать пѣсни и думы, собирать свѣдѣнія объ обрядахъ, началъ читать сочиненія, касающіяся исторіи Украины, дѣлать изъ нихъ выписки и, часто позабывая за этими работами свои университетскія занятія, долженъ былъ напролетъ просиживать ночи передъ экзаменами, чтобъ одолѣть прослушанные курсы [3]). Вглядываясь въ характеръ работъ Измаила Ивановича по изученію Украины, нельзя не замѣтить. что онѣ не заключали въ себѣ мѣстнаго патріотизма.

---

[1]) Объ отношеніяхъ И. И. Срезневскаго къ матери см. „Путевыя письма И. И. Срезневскаго изъ славянскихъ земель“ (1895), предисловіе.

[2]) Указаніе на это беремъ изъ воспоминаній Измаила Ивановича, гдѣ читается слѣд.: „Лѣтъ девяти, бывши въ пансіонѣ, Измаилъ Ивановичъ поднесъ въ какой-то праздникъ начальнику пансіона стихи собственнаго издѣлія; тогда былъ еще въ полной силѣ обычай подносить наставникамъ свои работы. Стихи... привели въ немалое изумленіе и директора и учителей, они усумнились въ правдивости Измаила Ивановича, думая, что онъ просто списалъ стихи изъ старыхъ студенческихъ тетрадей своего отца. Измаилъ Ивановичъ, конечно, увѣрялъ, что писалъ самъ; тогда рѣшили сдѣлать опытъ, дали ему перевести что-то; онъ перевелъ стихами и даже съ риѳмами“.

[3]) Эти свѣдѣнія заимствуемъ изъ разказовъ Измаила Ивановича о его молодости: „При наступленіи экзаменовъ оказывалась такая масса не сдѣланнаго дѣла, что приходилось просиживать ночи напролетъ; тогда нужно было прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ: Измаилъ Ивановичъ ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ, читая торопливо свою тетрадку; матушка его варитъ ему кофе; какъ только у Измаила Ивановича начнутъ смыкаться глаза отъ усталости и долгаго бодрствованія, онъ выпиваетъ чашку, что бы прогнать сонъ, и снова занимается“.

Двухмѣсячнымъ дитятею привезенный въ Харьковъ, прожившій въ Малороссіи безвыѣздно до окончанія университета, онъ не сталъ малороссомъ. „Вы знаете“, писалъ онъ матери во время своего перваго путешествія въ Москву, „какъ я любилъ слушать разказы и ваши и Ивана Николаевича [1]) о милой моей родинѣ и о русскихъ; я желалъ, подобно птичкѣ полуденной, вскормленной на чуждой сторонѣ, полетѣть на свою невиданную родину и, чѣмъ далѣе ѣду, тѣмъ болѣе знакомлюсь съ нею. Представьте, маменька, какъ должно было биться мое ретивое [2])“. Это письмо неоспоримо подтверждаетъ сказанное: молодаго человѣка не могли не привлекать къ себѣ и поэтическія думы, и музыкальныя пѣсни, и малоизслѣдованная, полная интереса исторія Малороссіи, и богатство сохранившейся въ народѣ живой старины, но онъ относился ко всему этому какъ наблюдатель, изслѣдователь, а не какъ патріотъ-украинецъ.

Украинскія работы Измаила Ивановича получили особенное развитіе, благодаря тому, что шли онѣ не одиноко: въ одно время съ нимъ на то же этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета Харьковскаго университета вступили четыре давнихъ его пансіонскихъ пріятеля: Ѳ. С. и О. С. Евецкіе, И. В. Росковшенко и А. Г. Шпигоцкій, всѣ рано или поздно выступившіе на литературное поприще. Сплотившись въ тѣсный кружокъ, эти юристы по университету, не юристы по призванію, стали поддерживать другъ друга и въ любви къ литературѣ и въ стремленіи изучать Украину.

Шпигоцкій, малороссъ по рожденію, болѣе всѣхъ членовъ кружка увлекался своею родиной. „Какъ сладко мечтаю о славѣ нашей Украины, родной матери нашей“, писалъ онъ Измаилу Ивановичу со службы изъ Москвы, „съ постылой Московщины“. „О другъ мой, ревнуй, ревнуй о пробужденіи малороссійскаго генія и вѣрь мнѣ: твои труды будутъ оцѣнены. Молю только тебя, какъ можно болѣе будь недовѣрчивъ къ своимъ силамъ, будь всегда недо-

---

[1]) Иванъ Николаевичъ Соколовъ былъ близкимъ человѣкомъ въ семьѣ И. Е. и Е. И. Срезневскихъ и домашнимъ наставникомъ ихъ дѣтей. По словамъ И. И. Срезневскаго, это былъ человѣкъ сердечный, добрый, нѣсколько робкій. Сильно привязанный къ Измаилу Ивановичу, онъ всегда смотрѣлъ на него, какъ на равнаго, несмотря на значительное превосходство лѣтъ, и, благодаря этому, былъ къ нему чрезвычайно близокъ; въ трудныя минуты жизни онъ былъ лучшимъ утѣшителемъ Измаила Ивановича и Елены Ивановны и необходимымъ для нихъ человѣкомъ.

[2]) Письмо 7-го іюля 1829 г.

воленъ собою, и всѣ будутъ довольны тобою; унижай самъ себя въ своихъ глазахъ и будешь превознесенъ другими; работай въ тиши, въ глуши, и пламень духа, всегда стремящійся выспрь, прокрадется, прожжетъ самъ завѣсу безвѣстности и, вспыхнувъ, разольетъ румяное зарево, вѣнокъ твой, вѣнокъ твоему самоотверженію для славы тебя питающей и поящей Украины. Миновалось ея козакованіе на поляхъ бранныхъ; не полагать уже козаку меча своего на вѣсы судебъ; закозакуе же онъ теперь на поляхъ сладкаго пѣснопѣнія“ [1]). Это письмо, похожее на приведенное выше письмо Измаила Ивановича по юношескому увлеченію, мало сходное съ нимъ по взглядамъ, отчетливо рисуетъ передъ нами Шпигоцкаго, какъ пламеннаго украинца, какъ поэта, забывающаго дѣйствительность. Шпигоцкій поэтизировалъ не въ однихъ письмахъ; уже въ 1830 г. подъ скромною буквой Ш. онъ помѣстилъ въ *Вѣстникѣ Европы* [2]) нѣсколько сонетовъ Мицкевича въ переводѣ на малорусскій языкъ, въ 1831 г. въ „Украинскомъ Альманахѣ“ отрывки перевода изъ Полтавы, въ 1832 г. напечаталъ переводъ (уже на русскій языкъ) Конрада Валенрода [3]). Эти занятія поэзіей послѣ окончанія университетскаго курса и свѣжесть любви къ Украинѣ мало сходились съ тѣмъ служебнымъ положеніемъ, которое занималъ Шпигоцкій, въ тѣ годы исправляя прозаическую должность корректора университетской типографіи въ Москвѣ [4]). Дружба его съ Измаиломъ Ивановичемъ не прекращалась до самаго отъѣзда послѣдняго за границу въ 1839 г. и, вѣроятно, продолжалась и послѣ, хотя ихъ переписка и оборвалась въ 1834 г.

Братья Евецкіе не были, можно думать, такими патріотами-украинцами, какъ Шпигоцкій; ихъ отношеніе къ украинской старинѣ было болѣе сознательное, они болѣе изучали, чѣмъ восхищались, и въ этомъ отношеніи какъ будто находились подъ вліяніемъ Измаила Ивановича. Объ Ѳ. С. Евецкомъ Измаилъ Ивановичъ отзывается въ своей „Запорожской старинѣ“, какъ о большомъ знатокѣ языка малорусскаго [5]), оказавшемъ ему много помощи при изданіи

---

[1]) Письмо Шпигоцкаго 14-го сентября 1831 г.

[2]) 1830 г., 3. 51—52, 1. 72—73.

[3]) Конрадъ Валленродъ. Историческая повѣсть изъ литовскихъ и прусскихъ событій. Перевелъ съ польскаго Аѳанасій Шпигоцкій. М. 1832. 8°.

[4]) Мѣсяцесловъ 1830 г., I., 417.

[5]) „Превосходно зная украинскій языкъ, по дружбѣ ко мнѣ изъясняя мнѣ многія непонятныя выраженія, снабжалъ мѣстными преданіями“. *Запорожская Старина*, I, 129.

„Старины". Какъ Ѳедоръ Евецкій, такъ въ особенности его братъ Орестъ, по просьбѣ Измаила Ивановича присылать ему все относящееся до Украины [1]), доставили ему массу пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, описаній обрядовъ; письма Ореста Евецкаго, можно сказать, переполнены этими матеріалами. Увлеченіе Украиной у обоихъ братьевъ Евецкихъ впослѣдствіи превратилось подъ вліяніемъ П. П. Дубровскаго, издателя „Денницы", въ увлеченіе панславизмомъ. Они приняли ревностное участіе въ изданіи Дубровскаго—одинъ предоставленіемъ издателю статей, другой матеріальною поддержкой. Орестъ Евецкій извѣстенъ своею работой по статистикѣ Кавказа и многими другими статьями [2]). Ѳедоръ Евецкій составилъ себѣ имя нѣсколькими работами по малорусской этнографіи и исторіи литературы [3]).

И. В. Росковшенко изъ всего кружка друзей И. И. Срезневскаго былъ наиболѣе холоденъ къ Украинѣ, хотя вообще былъ романтикъ въ полномъ смыслѣ слова, юноша горячій, увлекающійся. Рано оставивъ Малороссію, Росковшенко переселился въ Петербургъ, гдѣ предался службѣ и литературѣ; онъ много печаталъ подъ псевдонимомъ И. Мейстера [4]), усердно сотрудничалъ въ петербургскихъ изданіяхъ, былъ помощникомъ редактора *Журнала Министерства На-*

---

[1]) Въ письмѣ И. И. Срезневскаго О. С. Евецкому 23-го марта 1830 г. читаемъ: „не забывай объ обязанности доставлять мнѣ все, касающееся Малороссіи".

[2]) Изъ статей О. С. Евецкаго къ исторіи и литературѣ относятся слѣдующія: „Нѣсколько украинскихъ народныхъ загадокъ" (*Молва*. 1835 г., ч. 10, 246—252); „Замѣчанія на статью Хиждеу, „Григорій Варсава Сковорода" (*Молва*, 1835 г., ч. 10, 151—154); „Универсалъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго" (*Московскій Наблюдатель*, 1835, I, 125—135). Слѣдуетъ также отмѣтить статьи его: „Записки изъ путевыхъ замѣтокъ, веденныхъ въ маѣ—іюнѣ 1835 г. въ Силезіи, Саксоніи и Богеміи" (*Телескопъ*, 1835, ч. 28); „Русинская лѣтопись" (*Телескопъ*, 1835, ч. 29, 309—328), „Гипотетическій ходъ человѣческаго ума, изобрѣтающаго графику" (*Телескопъ*, 1832, ч. 8, 324—344). Наибольшее значеніе заключало въ себѣ „Статистическое описаніе Закавказскаго края" (С.-Пб., 1835). О. С. Евецкій впослѣдствіи достигъ довольно замѣтнаго служебнаго положенія (въ 1852 г. онъ былъ назначенъ вице-директоромъ канцеляріи намѣстника царства Польскаго и управляющимъ таможеннымъ отдѣленіемъ при той же канцеляріи). Въ 1855—1856 онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ Полтавской (?) губерніи.

[3]) „Малороссійскія историческія пѣсни и думы" (*Отечественныя Записки*, 1841 г., XV, 65—93); „Малорусская литература" (*Денница*, 1842 г., I, 86); „Стихотворенія Ѳомы Падуры (ibid. 1843 г., 196—206).

[4]) См. *Библіотека для Чтенія* 1838 г., т. 26, 100; т. 28, 157—158; т. 30, 10—11; 1839 г., т. 32, 12—13.

роднаго Просвѣщенія, наконецъ прославился, какъ переводчикъ Шекспира [1]), чего ему не могъ простить другой харьковскій переводчикъ Шекспира, проф. Якимовъ [2]). Пройдя съ честью и почетомъ долгую службу и по министерству юстиціи, и по военному министерству, и по министерству народнаго просвѣщенія, достигнувъ, наконецъ, должности предсѣдателя Московскаго цензурнаго комитета, онъ умеръ въ глубокой старости въ 1889 г. [3]).

При перечисленіи членовъ описываемаго университетскаго кружка нельзя не упомянуть еще одного—Іосифа Аѳанасьевича Джунковскаго, Іосифа Прекраснаго или Смирянину [4]), какъ называли его пріятели; вѣроятно, пансіонскій товарищъ Измаила Ивановича, онъ былъ близкимъ человѣкомъ и къ нему самому и къ его семьѣ, но въ увлеченіяхъ этнографическими занятіями, кажется, не принималъ участія [5]).

Такой былъ составъ перваго кружка друзей И. И. Срезневскаго. По окончаніи университета, когда Шпигоцкій и О. Евецкій оставили Харьковъ, изъ прежняго кружка осталось только четверо: „Ты, можетъ быть, вспомнишь,—писалъ Измаилъ Ивановичъ Росковшенку въ 1833 г.,—наши засѣданія in 4: Theodore (то-есть Ѳ. Евецкій), Joseph (то-есть Джунковскій), Jean (Росковшенко), Ismail,—и только. Незабвенное время. Theodore съ конфетой въ зубахъ, Joseph съ Кантомъ на устахъ, Jean съ трубкой во рту, Ismail съ глупостью на языкѣ. Прекрасный 4-ог...“ [6]). Въ средѣ этого уже уменьшеннаго кружка зародилась литературная дѣятельность И. И. Срезневскаго, явив-

---

[1]) Первою была напечатана траг. „Ромео и Юлія“ (*Библіотека для Чтенія*, 1839 г., т. 33, 81—228); затѣмъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Сцены изъ Ричарда III“ и др. Шекспиромъ Росковшенко и кончилъ свою литературную, дѣятельность „переведя не задолго до смерти „Виндзорскихъ кумушекъ“ (не напечатано).

[2]) Письмо Росковшенка къ И. И. Срезневскому, 1839 г. 17-го іюля.

[3]) О немъ см. *Русскій Архивъ*, 1890 г., № 2, 310—315.

[4]) Письмо И. И. Срезневскаго 3-го мая 1833 г.

[5]) Не лишнимъ считаю привести отзывъ о Джунковскомъ, принадлежащій Измаилу Ивановичу: „Этотъ человѣкъ,—писалъ Измаилъ Ивановичъ брату,—какъ ни страненъ, но имѣетъ познанія и еще болѣе ума; притомъ же онъ вездѣ бываетъ, и совѣты его тебѣ могутъ пригодиться въ свѣтѣ, хоть самъ онъ не бывалъ и не знаетъ свѣта. Что онъ подѣлываетъ? Въ какія мечты вдался? Чѣмъ занятъ? Я думаю политикой. Теперь ему опять открывается обширное поприще—война дона-Педро, бунтъ въ Индіи, бунты сенъ-симонистовъ и роялистовъ во Франціи, бунты либераловъ въ Ирландіи, возвратное путешествіе холеры восвояси. Это все предметы политическіе, отмѣнно важные... Литература не можетъ обратить на себя его вниманія“. (Письмо 1832 г. октября 19-го).

[6]) Письмо 1833 г. ноября 30-го.

шаяся на свѣтъ въ видѣ маленькой книжки „Украинскаго Альманаха“ (Харьковъ, 1831); въ изданіи приняли участіе всѣ пріятели, и оставшіеся въ Харьковѣ, и жившіе въ другихъ мѣстахъ; исключеніе составилъ Джунковскій. Измаилъ Ивановичъ помѣстилъ въ Альманахѣ нѣсколько стихотвореній, „Мысли и замѣчанія“ и первую запись народныхъ малорусскихъ пѣсенъ [1]). Прямыхъ указаній на то, когда начались общія занятія этнографіей И. И. Срезневскаго и его товарищей, не сохранилось: основываясь на словахъ предисловія къ „Запорожской старинѣ“, годомъ начала этнографическихъ работъ Измаила Ивановича можно считать 1826 годъ [2]); указаній на время начала этнографическихъ занятій другихъ членовъ кружка мнѣ не удалось найдти. Не сохранилось также никакихъ свѣдѣній и о томъ, какъ первое время велись эти занятія и были ли это совмѣстныя путешествія друзей по Украинѣ для собиранія пѣсенъ, сказокъ и пр., или случайное записываніе съ голоса заходившихъ въ окрестности Харькова бандуристовъ. Можно съ увѣренностью сказать только, что Измаилъ Ивановичъ едва ли не сразу сталъ средоточіемъ собирателей; его друзья, разъѣзжаясь изъ Харькова по усадьбамъ и селамъ, а послѣ и на службу въ другіе города, направляли свои матеріалы именно къ нему, въ его „скарбницу“, какъ они называли его собраніе, и письма ихъ къ нему, начиная съ 1830 — 1831 гг., полны записей. Такъ подъ университетскими юридическими занятіями загорѣлся и тлѣлъ и разгорался огонекъ другихъ работъ, сильный тѣмъ, что онъ былъ менѣе обязательнымъ, болѣе независимымъ.

Работы Измаила Ивановича по украинской народной словесности получили особенное развитіе въ 1832—1833 гг., проведенныхъ имъ въ Екатеринославской губерніи близъ Днѣпровскихъ пороговъ въ имѣніи Подольскихъ. Уже въ первомъ письмѣ изъ мѣстечка Варваровки, гдѣ Измаилъ Ивановичъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя, онъ писалъ своей матери, что надѣется накопить „цѣлую пропасть для своей украинской скрыни“ [3]). Въ февралѣ 1833 г. онъ писалъ, что знаетъ

[1]) См. статью „Украинскій альманахъ“ (*Кіевская Старина*, 1893 г., № 1).

[2]) „Малоизвѣстность памятниковъ поэзіи запорожской, говорится въ предисловіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользѣ оныхъ для исторіи запорожцевъ— побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, почтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ *семилѣтняго* труда успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій“. *Запорожская Старина*, I, 17. Предисловіе подписано 2-го апрѣля 1833 г.

[3]) Письмо 1832 г. авг.

старину запорожскую, какъ свою собственную жизнь [1]). „Мало-помалу", говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, „я собралъ свѣдѣній очень много. Особенно мнѣ помогъ Гречка, о которомъ я писалъ къ вамъ въ прошломъ письмѣ. Часовъ пять я провелъ прошлое воскресенье на Вороной, все разговаривалъ съ стариною и слышалъ и узналъ очень многое. Гречка былъ самъ запорожцемъ и всему очнымъ свидѣтелемъ—жаль, что ему измѣняетъ иногда память, но въ такомъ случаѣ я его надоумливаю; онъ припоминаетъ, поправляетъ мои ошибки, и дѣло ладно. Гречкѣ 97 лѣтъ. Ему было уже 15, когда онъ присягалъ Петру III-му. Происшествія за его память онъ разказываетъ чрезвычайно подробно, и что всего любопытнѣе, по-своему, какъ запорожецъ, съ его вѣрованіями, съ его политическими мнѣніями. Живой памятникъ минувшаго". Въ мартѣ [2]) Измаилъ Ивановичъ сообщаетъ о новомъ источникѣ для его матеріала, „развалинѣ запорожской", бандуристѣ лѣтъ 80. „Много я распрашивалъ его, пишетъ Измаилъ Ивановичъ, многое узналъ. Списалъ нѣсколько думъ и пѣсень старинныхъ"... „Теперь", читаемъ далѣе въ томъ же письмѣ, „я знаю Запорожье не хуже азбуки; мало по малу, тихо по тиху да и доползъ. Трудъ мой почти семилѣтній не долженъ остаться безъ окончанія или безъ пользы. Начну съ того, что перепишу аккуратно все свое собранье". Вскорѣ затѣмъ собраніе, о которомъ писалъ Измаилъ Ивановичъ, начало печататься; это и была знаменитая въ свое время „Запорожская Старина", сразу выдвинувшая впередъ Измаила Ивановича и какъ ученаго, кропотливо собиравшаго пѣсни, рывшагося въ лѣтописяхъ, и какъ писателя, талантливо и увлекательно изложившаго въ замѣчательномъ предисловіи къ „Запорожской Старинѣ" свои взгляды на народную поэзію Украины.

Съ начавшею распространяться извѣстностью начали развиваться сношенія съ другими украинскими этнографами, писателями патріотами-романтиками. Изъ старшаго поколѣнія этихъ дѣятелей къ 1833 г. Измаилъ Ивановичъ былъ знакомъ съ Гулакомъ-Артемовскимъ, котораго онъ считалъ наравнѣ съ Ганкою „первымъ своимъ руководителемъ въ изученіи славянскихъ древностей и нарѣчій" [3]), Г. Ѳ.

---

[1]) Письмо 27-го февраля 1833 г.

[2]) Письмо 15-го марта 1833 г.

[3]) См. посвященіе къ докторской диссертаціи И. И. Срезневскаго „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ" (Х. 1846). Съ Гулакомъ И. И. Срезневскаго связывала, вѣроятно, малорусская поэзія Гулака; мало цѣня въ себѣ поэтическій даръ, будучи чиновникомъ до мозга костей (ма.

Квиткою [1]); изъ сверстниковъ своихъ съ издателемъ альманаха „Утренняя звѣзда“ Петровымъ [2]), съ горячимъ украинцемъ Л. Боровиковскимъ, поэтомъ, скучавшимъ въ Курскѣ „на холодной, но святой Руси“, на которой, какъ онъ писалъ Измаилу Ивановичу, „голый хохлацкій языкъ“ его „долженъ одѣть лапти“, а „хриплая бандура“ замерзла [3]). Въ работахъ по собиранію украинской словесности Измаилу Ивановичу уже помогали въ это время Максимовичъ, оказавшій свое содѣйствіе при изданіи 1-ой книжки „Запорожской Старины“ [4]), и Ѳ. Лисавицкій, помогавшій доставленіемъ записей пѣсенъ [5]), Е. Р. Подольская, екатеринославская помѣщица, которой въ примѣчаніяхъ къ „Запорожской Старинѣ“ Измаилъ Ивановичъ приноситъ глубочайшую благодарность „за ревностное участіе“, принятое ею въ его трудѣ [6]). Къ одному изъ сборниковъ пѣсенъ, собранному Измаиломъ Ивановичемъ около того же времени и озаглавленному „Собраніе памятниковъ народной украинской словесности“, приложенъ списокъ сотрудниковъ довольно уже длинный. Кромѣ старыхъ друзей, Шпигоцкаго, Росковшенка и Евецкихъ [7]) и болѣе новыхъ помощниковъ Лисавицкаго и Подольской, здѣсь видимъ имена А. Ѳ. Хиждеу [8]), Над. В. Росковшенко [9]), Рындовскаго [10]), И. И. Дьячкова [11]),

---

ниже, стр. 24), Гулакъ тѣмъ не менѣе представлялъ собою довольно выдающагося мало-русскаго поэта. (Ср. не напечатанныя воспоминанія Чирикова).

[1]) Въ письмѣ И. И. Срезневскаго 3 мая 1833 г. говорится: „въ Троицу надо познакомиться мнѣ съ Гр. Ѳед. Квиткой“.

[2]) О сношеніяхъ съ Петровымъ много свѣдѣній въ письмахъ 1832—1833 гг. изъ Варваровки.

[3]) Письмо 1831 г. У Боровиковскаго, по словамъ его письма, было собрано „около 200 никѣмъ и нигдѣ еще не изданныхъ простонародныхъ пѣсенъ; болѣе тысячи пословицъ и поговорокъ малороссійскихъ“ и т. д. Боровиковскій принималъ участіе въ „Украинскомъ Альманахѣ“ И. И. Срезневскаго.

[4]) *Запорожская Старина*, I, стр. 118.

[5]) Ibid. 117. Переписка началась въ 1830 г. и именно на почвѣ этнографическихъ интересовъ (Письмо Лисавицкаго 12-го ноября 1830 г.).

[6]) *Запорожская Старина*, I, стр. 129. Это и была владѣтельница Варваровки.

[7]) Изъ старыхъ сотрудниковъ особенно обязаннымъ И. И. Срезневскій считалъ себя передъ Ѳ. С. Евецкимъ. См. выше прим. 5, на стр. 4.

[8]) О немъ упомянуто въ *Запорожской Старинѣ*, I, 1. 127; есть также упоминанія и въ письмахъ изъ Варваровки.

[9]) *Запорожская Старина*, I, 1. 110. Н. В. Росковшенко—сестра И. В. Росковшенка.

[10]) О Рындовскомъ не имѣю никакихъ свѣдѣній.

[11]) *Запорожская Старина*, I, 1, 117.

Иванова [1]), Мигрина [2]), Боженка [1]), И. Г. Кулжинскаго [3]), Яхневича [4]), А. И. Покорскаго [5]), Ю. И. Венелина [6]). Съ выходомъ первой книжки „Запорожской Старины“ кругъ участниковъ и помощниковъ Измаила Ивановича расширился еще болѣе. Во второмъ и третьемъ выпускахъ 2-го тома „Запорожской Старины“ (1835) и въ перепискѣ Измаила Ивановича, относящейся къ этому времени, появляются новыя имена сотрудниковъ: здѣсь видимъ имена Н. В. Гоголя [7]), Д. П. Міоковича [8]), Дмитрюкова [9]), А. Ѳ. Квитки [10]), И. Н. Даниловича [11]), А. Ѳ. Павловскаго [12]), И. М. Цебрикова, который по словамъ Измаила Ивановича, владѣлъ большимъ „запасомъ разныхъ рѣдкостей по части исторіи Украины“

---

[1]) О Ивановѣ и Боженкѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

[2]) Имя А. П. Мигрина встрѣчается въ сборникѣ, изданномъ Корсуномъ подъ названіемъ „Снѣпъ“ (Харьковъ, 1841); напечатанныя въ этомъ сборникѣ „Украинські повірья“ Корсуна посвящены „щирымъ пріятелямъ А. И. Мигрину и А. И. Кирпичеву на згадку колишняго“ (стр. 187).

[3]) Съ Кулжинскимъ сношенія были давнія: еще въ „Украинскомъ Альманахѣ“ были помѣщены двѣ статьи, имъ доставленныя издателямъ Альманаха. Свѣдѣнія о Кулжинскомъ можно почерпнуть изъ его автобіографической записки (Лицей кн. Безбородко, 116).

[4]) *Запорожская Старина* II, 1. Замѣтки.

[5]) Свѣдѣній о А. И. Покорскомъ не нашлось.

[6]) Наибольшее число записей принадлежитъ Ор. Евецкому (14), Ив. В. Росковшенку (14), Н. В. Росковшенку (13).

[7]) Съ Гоголемъ у И. И. Срезневскаго завязалась недолгая переписка въ 1834 г. по поводу предпринимавшагося послѣднимъ изданія исторіи казаковъ. Гоголь былъ въ восторгѣ отъ *Запорожской Старины*: „Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ?“, писалъ онъ. „Всѣ думы, особенно повѣсти бандуристовъ ослѣпительно хороши. Изъ нихъ только пять были мнѣ извѣстны прежде, прочія были для меня новость“. (*Русская Старина*, 1892, мартъ, 756).

[8]) Письмо его отъ 26 марта 1834 г. (Міоковичъ—товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; поступилъ въ студенты въ 1826 г.).

[9]) Дмитрюковъ вступилъ въ переписку съ И. И. Срезневскимъ по собственному почину, увлеченный *Запорожской Стариной*, какъ видно изъ его характернаго письма 17-го августа, 1836 г.

[10]) Братъ знаменитаго Григорія Ѳедоровича Квитки, слободско-украинскій предводитель дворянства (умеръ 1843).

[11]) Профессоръ Виленскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Московскаго университетовъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ литовско-польскаго права (род. 1787, ум. 1843 г.). Во время студенчества И. И. Срезневскаго читалъ въ Харьковскомъ университетѣ лекціи по дипломатіи и россійскому и провинціальному праву; И. И. Срезневскій очень цѣнилъ Даниловича, какъ профессора, и всегда выдѣлялъ изъ ряда своихъ наставниковъ.

[12]) См. его предисловіе къ „Грамматикѣ Малороссійскаго нарѣчія“ (1818), въ которомъ очень интересна характеристика жителей „Малой Россіи“.

и сообщалъ Измаилу Ивановичу народныя преданія [1]), М. Л. Бедряги, В. С. Курдюмова, А. И. Павлова. И. Т. Подольскаго, Райкевича и др.

Въ то же время начались сношенія и съ великорусскими учеными; этому особенно способствовала статья Измаила Ивановича о малорусской народной литературѣ, напечатанная въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета", которая явилась, какъ и предисловіе къ „Запорожской Старинѣ" прекрасною исповѣдью молодаго писателя. „Новые въ своемъ родѣ труды ваши", писалъ Измаилу Ивановичу И. М. Снегиревъ, „посвященные Малороссіи, возбуждаютъ живѣйшее участіе свѣжестью мыслей и чувствованій, прелестною оригинальностью слога. Страненъ мнѣ показался отзывъ „Сѣверной Пчелы" о малорусскомъ языкѣ, который будто достался въ удѣлъ чумакамъ. Неужели она видитъ въ благородномъ ревнованіи Квитокъ, Гулаковъ, Серезневскихъ (sic) что либо подозрительное? Не постигаю, ибо смотрю чистыми глазами и съ чистымъ сердцемъ, которое не можетъ остаться холоднымъ при созерцаніи истиннаго, добраго и изящнаго" [2]). Это письмо было первымъ привѣтомъ великорусскаго ученаго началу литературно-научной дѣятельности Измаила Ивановича.

Мы не будемъ перечислять всей массы новыхъ знакомствъ Измаила Ивановича, постоянно увеличивавшихся въ слѣдующіе затѣмъ годы. Отмѣтимъ лишь знакомство съ знаменитыми патріотами И. П. Котляревскимъ [3]) и В. Н. Каразинымъ, сближеніе съ А. Л. Метлинскимъ, ставшимъ съ теченіемъ времени большимъ другомъ семьи Измаила Ивановича, В. В. Пассекомъ (1836), Н. И. Костомаровымъ (кажется, въ 1838 г.). Знакомство съ Котляревскимъ и Каразинымъ не носило характера близости и едва ли могло оказать большое вліяніе на развитіе взглядовъ и работъ Измаила Ивановича. Напротивъ, сближеніе съ Пассекомъ, Метлинскимъ и Костомаровымъ было для каждаго изъ нихъ взаимно важно.

Съ Пассекомъ Измаилъ Ивановичъ познакомился въ 1836 году; Пассекъ переселился въ Харьковъ по приглашенію графа Панина, попечителя Харьковскаго учебнаго округа, для занятія въ Харьковскомъ

---

[1]) При составленіи 3-ей книги *Запорожской Старины* И. И. Срезневскій пользовался его рукописнымъ сочиненіемъ „Записки и выписки касательно слободскихъ полковъ".

[2]) Письмо 21-го ноября 1834 г.

[3]) Въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось любопытное описаніе перваго его свиданія съ Котляревскимъ (11-го іюля 1837 г.).

университетѣ каѳедры русской исторіи; вслѣдствіе ареста Герцена, съ которымъ Пассекъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, Панинъ долженъ былъ отказаться отъ своего приглашенія и Пассекъ по недостатку средствъ къ жизни принужденъ былъ поселиться въ своемъ имѣніи въ 60 верстахъ отъ Харькова; здѣсь начались его работы по этнографіи, статистикѣ, исторіи и между прочимъ по изученію Малороссіи; украинофильское направленіе обратило его къ Измаилу Ивановичу и его „Запорожской Старинѣ“, не безъ вліянія которой, можно думать, выработались многія мысли Пассека въ его „Путевыхъ письмахъ“ (1834). Поводомъ къ сближенію Пассека съ Измаиломъ Ивановичемъ было затѣянное имъ изданіе журнала, къ которому онъ хотѣлъ привлечь Срезневскаго [1]); этотъ самый журналъ, вѣроятно, превратился послѣ въ знаменитые „Очерки Россіи“, отчасти, можетъ быть, благодаря совѣтамъ Измаила Ивановича. Пассекъ и Срезневскій скоро очень сблизились; они „стали видаться почти ежедневно, проводили цѣлые часы въ разговорѣ о предметахъ своихъ занятій, дѣлились впечатлѣніями, цѣлями и пріобрѣтенными ими свѣдѣніями“ [2]). Ихъ знакомство длилось недолго: оно остановилось съ отъѣздомъ Измаила Ивановича за границу въ 1839 г. и послѣ не возобновилось, такъ какъ Пассекъ въ 1842 г., черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія Измаила Ивановича, умеръ въ Москвѣ. Пассекъ, не смотря на любовь Малороссіи, не былъ украинофиломъ; съ теченіемъ времени онъ сталъ въ ряды славянофиловъ, былъ сторонникомъ развитія русской власти, распространенія ея вліянія на все славянство [3]).

Амвросій Лукіановичъ Метлинскій, „fra Ambrosio“, какъ его называлъ Измаилъ Ивановичъ, былъ малороссъ по рожденію и по воспи-

---

[1]) Въ письмѣ И. М. Петрова, при посредствѣ котораго возникло знакомство И. И. Срезневскаго съ Пассекомъ, говорится: „я сообщу... В. В. Пассеку, который желаетъ съ вами познакомиться, и потолкуемъ о журналѣ повѣстей“.

[2]) *Т. Пассекъ*: „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. 2, стр. 268—269.

[3]) О знакомствѣ Пассека съ И. И. Срезневскимъ см. статью „Вадимъ Васильевичъ Пассекъ и его письма къ И. И. Срезневскому“ (*Русская Старина*, 1893, 5 и 9). Въ одной изъ записокъ его И. И. Срезневскому есть такое характерное мѣсто: „Вы работаете для будущности нашего отечества и болѣе или менѣе содѣйствуете тому, что нѣкогда свершится: когда все, въ чемъ сохранилась капля славянской крови, все будетъ чувствовать однимъ чувствомъ, думать одну думу, идти всей массой и силой къ одной цѣли, руководимой однимъ русскимъ царемъ. Съ какой бы радостью помѣстилъ я тогда въ „Очеркахъ“ статью вашу о Пражской губерніи и поѣздку по какому нибудь Бѣлградскому уѣзду. Или это предоставлено только нашимъ дѣтямъ, внукамъ?“

танію, украинофилъ-идеалистъ, романтикъ по воззрѣніямъ; съ раннихъ лѣтъ ознакомившись съ народною поэзіей своей родины и страстно ее полюбивъ, онъ сколько могъ отдавалъ себя ея изученію, собиралъ пѣсни, записывалъ мелодіи [1]); любовь къ малорусской поэзіи вскорѣ сдѣлала его самого поэтомъ Украины съ ея могилами, схоронившими славу родины, извѣстнымъ въ свое время Амвросіемъ Могилою [2]). На почвѣ той же самой любви къ народной поэзіи въ 1833—1835 гг. (годы студенчества Метлинскаго) возникло знакомство его съ И. И. Срезневскимъ; оно скоро перешло въ тѣснѣйшую дружбу и съ самимъ Измаиломъ Ивановичемъ, и съ его матерью; отъ этой дружбы остался цѣлый рядъ писемъ Метлинскаго, прекрасно характеризующій этого болѣзненнаго, вѣчно страдающаго идеалиста и пессимиста въ одно и то же время [3]); больное воображеніе Метлинскаго не разъ вызывало недоразумѣнія между пріятелями въ дни ихъ разлуки, но эти недоразумѣнія всегда старательно разъяснялись Измаиломъ Ивановичемъ, и дружба вновь возстановлялась. Метлинскій, какъ человѣкъ значительно менѣе одаренный, чѣмъ Измаилъ Ивановичъ, не могъ не подпадать подъ его вліяніе; въ этомъ онъ самъ сознается, впрочемъ какъ будто не безъ ироніи: „Позвольте, сверхъ чаянія,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ (привожу это письмо, какъ хорошую характеристику Метлинскаго) начать письмо благодарностью; этого начала я не придумывалъ, но оно приходится и вотъ какъ: начиная письмо, вспомнилъ я про ваши, недавно мною читанныя и думаю: не перенять ли у васъ похвальную привычку оставлять поменьше пустаго въ письмахъ? Имѣя случай поговорить, почему не постараться поговорить побольше, разумѣется тамъ, гдѣ и болтовня извинительна, тамъ гдѣ не всяко лыко въ строку? А тутъ присоединилось воспоминаніе: сколько полезнаго перенялъ я отъ васъ въ періодъ нашего знакомства, такъ для меня памятный, перенялъ и въ моральномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ? Жизнь моя приняла особенное направленіе и, кажется, лучшее, производительнѣйшее, и слѣдственно стала больше но-

---

[1]) Главный его трудъ: „Народныя южнорусскія пѣсни“. (Кіевъ, 1854 г.). Біографія его помѣщена въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра“ (1884) Иконникова.

[2]) Сначала, по словамъ Н. И. Костомарова, онъ былъ въ числѣ противниковъ идей Костомарова о малорусскомъ писательствѣ. *Костомаровъ*, „Литературное наслѣдіе“ (1890), 31.

[3]) Надѣюсь когда нибудь подробнѣе остановиться на описаніи отношеній И. И. Срезневскаго и А. Л. Метлинскаго.

ходить на жизнь или, пожалуй, приблизилась къ своему назначенію. Не мой характеръ высказывать чувство словомъ и вообще всякою поверхностью дѣла чувство; оттого я умѣю думать благодарно и отчасти оскорблять наружностью жесткою тѣхъ, кто больше меня любитъ... Но мы далеко... и кто знаетъ, сблизимся ли физически по пространству, не разойдемся ли дальше еще по положенію въ обществѣ, не переселится ли кто изъ насъ и въ другой міръ далеко, далеко, ажъ на той свитъ? Но пускай не вы... у васъ столько плановъ... столько предпріятій роится въ головѣ, столько жизни кипитъ и въ васъ и вокругъ васъ; а кругомъ меня такъ пусто, и вездѣ мнѣ мерещится зло, даже и тамъ, гдѣ его нѣтъ; знаю, но я живу воображеніемъ, и потому вся жизнь отравлена, когда его небо покрыто тучами и грязью“ [1]). Въ письмахъ Измаила Ивановича онъ находилъ утѣшеніе горестей жизни и ободреніе: „каждое изъ твоихъ писемъ“, писалъ онъ черезъ годъ, „для меня замѣчательная эпоха въ однообразіи жизни: душа невольно оживится, согрѣется этимъ порывомъ пламеннаго усердія къ своему дѣлу, этой горячей дѣятельности, которая замѣтна за нѣсколько сотъ верстъ въ холодныхъ строкахъ хладнокровно перенесеннаго офиціальными почтами письма“ [2]). По словамъ Де-Пуле [3]), Метлинскій составлялъ съ Измаиломъ Ивановичемъ полную противоположность по крайней мѣрѣ послѣ возвращенія послѣдняго изъ-за границы въ 1842 г.: „Метлинскій (приводимъ слова Де-Пуле) былъ больше литераторъ, чѣмъ ученый, чистокровный малороссъ, не совсѣмъ чисто говорившій по-русски, самый полный и отчасти восторженный украинофилъ“; „И. И. Срезневскій дѣйствовалъ какъ ученый, какъ филологъ и этнографъ, а не какъ литераторъ-романтикъ: послѣднее направленіе, сильно развитое тогда въ Харьковскомъ университетѣ, онъ даже преслѣдовалъ своими насмѣшками, выставляя его, какъ помѣху серьезнымъ научнымъ занятіямъ, которыхъ онъ настойчиво требовалъ отъ студентовъ. Украинофилы дѣльные, научно и безъ заднихъ мыслей занимающіеся, конечно, были ему близки и по душѣ; но украинофиловъ, только разговаривающихъ, а тѣмъ болѣе тенденціозныхъ, онъ бы не потерпѣлъ“. Нельзя, конечно, упустить изъ виду, что эта характеристика Измаила Ивановича относится ко времени послѣ заграничнаго путешествія; впрочемъ, нѣтъ

[1]) Письмо 20-го октября 1839 г.

[2]) Письмо 31-го октября 1840 г.

[3]) Въ его статьѣ „Къ исторіи украинофильства“ (*Русскій Вѣстникъ*, 1881, 8, 218).

сомнѣнія, что основаніе различія въ характерѣ дѣятельности И. И. Срезневскаго и А. Л. Метлинскаго чувствовалось и въ 1837—1839 гг. Съ другой стороны и въ характеристикѣ Метлинскаго, какъ восторженнаго украинофила, есть тоже преувеличеніе; самъ Де-Пуле свидѣтельствуетъ, что Метлинскій восторженно относился ко всякой народной рѣчи, ко всякому литературно написанному студенческому труду [1]). Въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ проявляется даже общерусскій патріотизмъ, какъ, напримѣръ, въ „Пожарѣ Москвы“ или въ „Самотнихъ спѣвцахъ“ [2]); не украинскій, а скорѣе общеславянскій патріотизмъ сказывается и въ письмахъ Метлинскаго къ И. И. Срезневскому.

При посредствѣ Метлинскаго въ его этнографическій союзъ съ И. И. Срезневскимъ вступилъ и Н. И. Костомаровъ. „Знакомство это,— пишетъ Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи [3]),—возымѣло надолго сильное на меня вліяніе. Измаилъ Ивановичъ, въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ и съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его, и домъ его сдѣлался для меня любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей“. Измаилъ Ивановичъ много способствовалъ развитію въ Костомаровѣ его „стремленія къ изученію малорусской народности“; при его помощи Костомаровъ, „вооружившись новыми взглядами“, началъ учиться малорусскому языку, ранѣе мало ему знакомому [4]), изучать повѣсти Квитки. Безъ сомнѣнія, не безъ вліянія того же И. И. Срезневскаго отъ изученія малорусскихъ печатныхъ сочиненій Костомаровъ перешелъ къ изученію живой малорусской рѣчи, „началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами“. Впрочемъ нельзя не отмѣтить, что собираніе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, по словамъ самого Костомарова, никогда не было его „любимымъ предметомъ“, занимался онъ собираніемъ лишь для А. Л. Метлинскаго [5]). Любопытно отмѣтить,

---

[1]) Ibid., 218.

[2]) См. *Иконниковъ*, „Біографическій словарь проф. университета св. Владиміра“ (1884), 421; *А. Могила*: „Думки и Пѣсни“ (1839), 71, 101.

[3]) *Костомаровъ*, „Литературное наслѣдіе“ (1890), 28—29.

[4]) „Мое знаніе малорусскаго языка“, пишетъ Костомаровъ, „было до того слабо, что я не могъ понять „Солдатскаго портрета“ и очень досадовалъ, что не было словаря“ (*Костомаровъ*, „Литер. наслѣдіе“, 29).

[5]) Письмо 5-го января 1839 года.

что Костомаровъ въ характерѣ увлеченія работами по малорусской старинѣ и народной словесности скоро ушелъ далеко отъ Измаила Ивановича, своего бывшаго руководителя: въ 1837 году онъ началъ только учиться по-малорусски, а въ 1839 въ одномъ письмѣ къ Измаилу Ивановичу писалъ про малорусскій языкъ, какъ про „нашу мову“ [1]), и чувствовалъ себя настоящимъ украинцемъ. Въ письмѣ къ Измаилу Ивановичу, прося передать поклонъ Метлинскому, онъ говоритъ, что Метлинскій, прочитавъ его письмо, „такъ заразъ и закекуе, на те винъ козакъ и батько его козакъ и дѣди его козаци, весь ридъ его козаци украинскіи, а я бидныи неофитъ, перекрещенець, перевертень и тимъ тильки минѣ можно и простити, що хочъ може я и не вмѣю гораздъ зовсимъ переродиться, такъ коханьне у мене щире и сердце за Вкраину бьеться больше, нижъ у якого справнаго южнорусса“ [2]). Несмотря на такую скоро сказавшуюся разницу въ убѣжденіяхъ и отношеніяхъ къ занятіямъ Измаила Ивановича и Н. И. Костомарова, близость между ними была самая искренняя; эта близость ясно высказывается въ стихотвореніи Костомарова, написанномъ имъ по случаю отъѣзда Измаила Ивановича за границу въ 1839 году [3]). Сношенія ихъ продолжались и во время заграничнаго путешествія Измаила Ивановича, и по возвращеніи его въ Харьковъ, и послѣ отъѣзда Костомарова въ Ровно и въ Кіевъ (1844), и прервались лишь въ 1846 году. Возобновившись впослѣдствіи, эти сношенія уже не носили прежняго характера.

Говоря о кружкѣ И. И. Срезневскаго, Н. И. Костомарова и А. Л.

---

[1]) Письмо 6-го января 1839 года: „а я сегодня що робивъ: переклавъ на нашу мову Жуковскаго Свѣтланы зъ половину“.

[2]) Письмо 8-го августа 1839 года.

[3]) Вотъ это стихотвореніе: „Хай милосердый | Бо̀гъ та святая | Дѣва Марія| тебе боронють! | Майскее поле, | квѣтки чорвонѝ,— | шляхъ буде твій; | осѝнь богата, | жовтее жниво,— | твій узворотъ. | Коли жъ, звернувшись, | знову очима | й сердцемъ шукати | станешь своихъ,— | може якого | бо̀льшь не побачишь!| Друже коханый, | въ счастьтѝ и въ лисѣ, | въ радощахъ, въ горѣ, | въ рѝдному краи, | и на чужинѣ, | и на на тѣмъ свѣтѣ | пріязна, люба | буде для мене | згадка твоя!“ (Вѣтка Іереміи Галки, 1840, 57—58). Стихотвореніе это озаглавлено: „И. И. Срезневскому. При одъѣздѣ ёго на чужину“. На экземплярѣ „Вѣтки“ И. И. Срезневскаго рукою Костомарова между прочимъ написано: „24-го сентября 1842 на память 17-го сентября 1839“ (17-го сентября 1839 г.—день отъѣзда И. И. Срезневскаго изъ Харькова, 23-го сентября 1842 г.—день возвращенія). Въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранился автографъ этого стихотворенія, написанный 16-го сентября 1839 года; въ немъ есть нѣкоторые варіанты сравнительно съ напечатаннымъ.

Метлинскаго, нельзя не упомянуть, что онъ не ограничивался тремя названными лицами, но другіе члены кружка терялись за основными; среди этихъ лицъ находились и такія, которыя были преданы занятіямъ малорусскою этнографіей и литературой, были также и интересовавшіяся малорусскимъ народомъ болѣе или менѣе случайно; таковъ былъ Рославскій, довольно близкій пріятель Измаила Ивановича [1]); наконецъ были близкіе люди, никакого отношенія къ занятіямъ кружка не имѣвшіе, каковы Тихоновичъ „Римская голова“ [2]), совершенно преданный занятіямъ классическими древностями [3]), С. С. Лукьяновичъ [4]) и др.

Такъ постепенно расширялся кругъ лицъ, одинаково съ Измаиломъ Ивановичемъ увлекавшихся стариной Малороссіи, разрабатывавшихъ и изучавшихъ ее. Ободряя другъ друга, помогая въ работахъ, читая свои произведенія, друзья Украины двигали другъ друга впередъ по

---

[1]) На то, что Рославскій принималъ участіе въ литературныхъ бесѣдахъ, есть указаніе въ письмѣ Костомарова 12-го октября 1838 года: „Г. Метлинскій и г. Рославскій, а также и я желаемъ собраться на литературное сборище,— увѣдомьте, сдѣлайте одолженіе, въ какое время вамъ можно и гдѣ вы назначите; еслибы вы пожаловали къ г. Метлинскому, а не то мы всѣ къ вамъ отправимся“.

[2]) Письмо Костомарова 20-го іюля 1840 года.

[3]) О Тихановичѣ см. отзывъ Костомарова: „Къ такимъ же близкимъ знакомымъ (какъ И. И. Срезневскій и А. Л. Метлинскій) надобно причислить Поликарпа Васильевича Тихановича, бывшаго тогда учителемъ латинскаго языка въ первой гимназіи, человѣка трудолюбиваго, отлично знающаго какъ латинскую, такъ и греческую словесность и превосходнаго педагога. Послѣдній, хотя былъ со мною постоянно друженъ, но оставался совершенно холоденъ къ украинской народности и, занятый своимъ античскимъ міромъ, какъ будто ни во что не ставилъ все современное. Это былъ классикъ въ полномъ смыслѣ этого слова“ („Литературное наслѣдіе“, 39). Очень невыгодный отзывъ о Тихановичѣ даетъ въ своихъ не напечатанныхъ запискахъ Чириковъ; въ нихъ онъ называетъ Тихановича классикомъ—рабомъ, педантическою и злобно-коварною личностью, плохимъ преподавателемъ и пр.

[4]) Въ „Воспоминаніяхъ студента 1840 годовъ“ (въ газетѣ *Харьковъ*, № 30, прил.), такъ говорится о Лукьяновичѣ: „Всѣмъ первымъ курсамъ, кромѣ математиковъ, читалъ латинскій языкъ проф. Лукьяновичъ. Профессоръ этотъ былъ оригиналенъ и чудноватъ. На первомъ курсѣ читалъ онъ уже знакомыхъ намъ Саллюстія, Корнелія Непота и Цицерона. Силясь подражать Валицкому, онъ пускался въ объясненія, толкованія, выходилъ часто изъ круга своего предмета и былъ жалокъ въ сравненіи съ тѣмъ превосходнымъ профессоромъ. Разсказывали, что когда г. Лукьяновичъ защищалъ на латинскомъ языкѣ диссертацію свою на доктора римскихъ древностей и литературы, то Валицкій въ качествѣ главнаго оппонента сбилъ его въ пухъ и прахъ и уничтожилъ. Лукьяновичъ просилъ пощады и сквозь слезы повторялъ только: concedo tibi, concedo tibi!“

пути изученія родины. Работы по народной словесности не занимали исключительно вниманіе Измаила Ивановича: онѣ поневолѣ должны были идти на ряду, а иногда даже уступать мѣсто другимъ занятіямъ — сначала университетскимъ юридическимъ, потомъ служебнымъ, учебнымъ. Будучи съ дѣтскихъ лѣтъ человѣкомъ энергичнымъ, умѣя серьезно относиться къ труду, а вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что на немъ, какъ на старшемъ въ семьѣ, лежитъ долгъ помогать матери, Измаилъ Ивановичъ не забывалъ своихъ прямыхъ обязанностей и, несмотря на случайное поступленіе на юридическій факультетъ, съ полною ревностью предался университетскимъ занятіямъ. Мало того, юридическія науки съ теченіемъ времени такъ его заинтересовали, что онъ началъ даже мечтать о каѳедрѣ. Какъ рано зародились эти мечты, видно изъ одного его письма къ К. А. Кусковой, его бабушкѣ. „Богъ не оставляетъ безпомощныхъ сиротъ", писалъ онъ въ 1828 году, „я самъ испытывалъ сіе уже нѣсколько разъ и теперь снова вижу надъ собою всемогущую десницу, пекущуюся о безпомощныхъ людяхъ. Еще передъ великимъ постомъ мы услышали, что Государь Императоръ, желая видѣть въ четырехъ русскихъ университетахъ—Санктпетербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ—каѳедры, занятыя природными русскими профессорами, повелѣлъ министру предложить студентамъ сихъ университетовъ, хотящимъ себя усовершенствовать въ наукахъ, не пожелаютъ ли они, пробывъ за границею пять лѣтъ, по возвращеніи оттуда занять профессорскія каѳедры въ одномъ изъ сихъ университетовъ. И въ самомъ дѣлѣ скоро объявили намъ сію монаршую милость. Давно (въ 1828 году Измаилу Ивановичу было 16 лѣтъ) имѣвъ сильное желаніе служить по ученой части, я съ удовольствіемъ себя включилъ въ число другихъ 30 желающихъ и черезъ мѣсяцъ утвержденъ попечителемъ съ пятью другими товарищами. Нельзя сказать навѣрное, что я поѣду за границу, и пріѣхавши, займу каѳедру—могутъ случиться обстоятельства, кои тому помѣшаютъ, но главное изъ нихъ—мое прилежаніе и успѣхи, поелику отъ меня самого зависятъ, то я не могу терять надежды доставить хотя малую радость дражайшей маменькѣ, столько съ самаго дѣтства о мнѣ заботящейся, вамъ, почтеннѣйшая бабушка, столько расположенной къ намъ, и всѣмъ роднымъ, не забывшимъ насъ". Измаилъ Ивановичъ говоритъ въ этомъ письмѣ о Высочайше утвержденномъ предложеніи министра народнаго просвѣщенія „объ избраніи студентовъ изъ университета Московскаго, С.-Петербургскаго, Казанскаго и Харьковскаго для приготовленія въ

профессоры“ [1]). Эта мечта Измаила Ивановича не осуществилась, и онъ не былъ отправленъ въ командировку; какова была причина этому обстоятельству, мнѣ не удалось узнать, такъ какъ въ архивѣ Харьковскаго университета не нашлось дѣла о присужденіи И. И. Срезневскому кандидатской степени. Изъ другихъ данныхъ извѣстно, что послѣ блистательнаго окончанія университета со степенью кандидата по представленіи диссертаціи „Объ обидѣ“ Измаилъ Ивановичъ въ сентябрѣ 1829 года поступилъ на службу въ Дворянское депутатское собраніе; черезъ три года онъ былъ уволенъ отъ службы по болѣзни, затѣмъ черезъ годъ поступилъ въ Харьковскій совѣстный судъ, а въ слѣдующемъ 1834 году вновь поступилъ въ Депутатское дворянское собраніе, гдѣ оставался до 1837 года; во вторую часть своей службы въ этомъ мѣстѣ онъ былъ библіотекаремъ Харьковской публичной библіотеки [2]); плодомъ его библіотечныхъ занятій является изданный имъ „Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ Харьковской публичной библіотекѣ“, № 1, Харьковъ, 1834. 8°, 27 стр. (безъ фамиліи составителя). Во все время службы въ Депутатскомъ собраніи и въ Совѣстномъ судѣ Измаилъ Ивановичъ занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи русской и всеобщей въ частныхъ училищахъ и семействахъ [3]). Можно думать, что учебная дѣятельность была даже причиной временнаго оставленія службы въ Депутатскомъ собраніи: 1832—1833 годы онъ провелъ въ имѣніи Подольскихъ—Варваровкѣ, гдѣ, какъ сказано выше, особенно много занимался своимъ любимымъ предметомъ, народною словесностью и этнографіей, „изучая между прочимъ

---

[1]) Я позволю себѣ привести здѣсь условія, бывшія необходимыми для внесенія въ число избранныхъ, могущія характеризовать положеніе И. И. Срезневскаго въ университетѣ: „1) безпорочная, надежная нравственность, 2) природныя дарованія, любовь и прилежаніе къ наукамъ, 3) достаточныя свѣдѣнія вообще и особенно въ избранной каждымъ части ученія; въ томъ числѣ для всѣхъ и непремѣнно основательное знаніе латинскаго языка и словесности латинской, также языковъ французскаго и нѣмецкаго, а для тѣхъ, кои посвящаютъ себя филологіи, сверхъ того, языка греческаго; 4) способность правильно выражать свои мысли и другія нужныя въ преподавателѣ качества, и наконецъ 5) надежное состояніе здоровья“. (Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. 2, 107—111).

[2]) Объ учрежденіи этой библіотеки и назначеніи библіотекаремъ И. И. Срезневскаго см. у Данилевскаго въ статьѣ „Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко“ (*Украинская Старина*, 1866, 237—242).

[3]) Автобіографическая записка И. И. Срезневскаго (не напечатанная).

(автобіографическая записка) насколько возможно народныя нарѣчія преимущественно русскія". Не прерывая въ то же время своихъ юридическихъ работъ, онъ подготовлялся мало-по-малу къ магистерству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ профессурѣ — давней завѣтной своей цѣли. 1-го сентября 1835 года онъ подалъ прошеніе о допущеніи къ испытанію на степень магистра по политической исторіи, статистикѣ и политической экономіи. „Въ засѣданіи (выписываю изъ подлиннаго дѣла Императорскаго Харьковскаго университета) 6-го сентября 1835 года нравственно-политическій факультетъ подвергалъ кандидата Срезневскаго словесному испытанію, въ которомъ онъ отвѣчалъ: 1) на вопросы, предложенные ординарнымъ профессоромъ Степановымъ, по части политической исторіи и всеобщей статистики — превосходно; по части политической экономіи—очень хорошо; по дипломатіи—очень хорошо; 2) на вопросы, предложенные ординарнымъ профессоромъ Артемовскимъ, по части исторіи и статистики Россійскаго государства—очень хорошо; 3) на вопросы, предложенные адъюнктомъ г. Гордѣенковымъ, по части Россійскихъ правъ публичныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ—очень хорошо". 25-го сентября 1835 года факультетъ произвелъ письменное испытаніе кандидата Срезневскаго, состоявшее въ письменныхъ отвѣтахъ на заданные факультетомъ вопросы: 1) о пользѣ политической экономіи и 2) о причинахъ несовершенства торговли древнихъ народовъ. Оба отвѣта были признаны удовлетворительными, вслѣдствіе чего факультетъ тогда же предложилъ Срезневскому представить диссертацію для публичнаго испытанія. Диссертація на назначенную факультетомъ тему „О сущности и содержаніи теоріи въ политическихъ наукахъ" была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и подверглась такому строгому и долгому суду, что авторъ уже началъ сомнѣваться въ успѣхѣ. Въ ноябрѣ 1836 года Измаилъ Ивановичъ писалъ своему брату: „Богъ вѣсть, можетъ быть мое магистерство лопнетъ, какъ мыльный пузырь; долго разказывать, а есть что поразказать. Большинство голосовъ факультета противъ моей диссертаціи: его-де только допусти къ диспуту, такъ тамъ не перекричишь. Вотъ къ чему привело ихъ 11-ти мѣсячное чтеніе диссертаціи моей... Досадна не столько потеря магистерства, сколько побѣда такихъ . . . . , а досадна очень". Только въ апрѣлѣ 1837 года участь диссертаціи рѣшилась и она была одобрена къ защитѣ, но по большинству только четырехъ голосовъ противъ трехъ. Защита имѣла мѣсто 16-го іюля 1837 года; утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27-го августа 1837

года. 9-го сентября Измаилъ Ивановичъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики и достигъ наконецъ своей мечты о профессурѣ.

Дѣятельность И. И. Срезневскаго развивалась, такимъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ. Человѣкъ богато одаренный, энергичный, онъ видимо не могъ отдать предпочтенія тому или другому теченію своихъ работъ. Работа у него кипѣла; онъ читалъ лекціи, давалъ уроки, очень много читалъ, работалъ надъ статьями безъ устали, успѣвалъ въ то же время наблюдать и собирать остатки малорусской старины [1]). Насколько разнообразны были его труды и въ то же время какъ неутомимо и напряженно онъ работалъ, даетъ ясное понятіе его письмо въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ отвѣтъ на предложеніе сотрудничества по части статистики и исторіи Малороссіи. „Редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* полагаетъ условіемъ моего постояннаго сотрудничества въ ея трудахъ доставленіе статей по части статистики, какъ преподаваемаго мною предмета въ университетѣ Харьковскомъ, и малорусской исторіи. Принимаю это условіе и приму всякое другое, если оно будетъ сообразно съ моими силами и кругомъ занятій. Занимаясь же преимущественно статистикой, а все остальное время посвящая изученію славянщины [2]), могу, если будетъ угодно редакціи, доставлять по возможности статьи не только по части статистики и исторіи Малороссіи, но и по нѣкоторымъ отраслямъ славяносповія. Что же касается до статей, которыя я имѣю въ виду, то онѣ суть слѣдующія: 1) Наука ли статистика? Вступительное чтеніе въ первый курсъ статистики. 2) Значеніе статистики административной и статистики прагматической. Одна изъ лекцій 1-го курса. 3) Значеніе статистики философской. Также лекція. 4) Объ основныхъ силахъ государства. Лекція же. 5) Вступительное чтеніе въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи. О содержаніи этой части статистики. 6) Нѣсколько таблицъ статистическихъ. 7) Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины. 2 періода: до Петра I и до Екатерины II. 8) Герои украинской народной эпопеи—серія біографій съ общимъ предисловіемъ. 9) Кралодворская

---

[1]) См. статью *Сокальскаго*: „Измаилъ Ивановичъ Срезневскій“ (*Статист. Листокъ*, изд. Харьк. губ. стат. ком. 1883. Приб.).

[2]) Первая его работа по славянскимъ нарѣчіямъ, „Словацкія пѣсни“, напечатана въ 1832 г.

рукопись. 10) Нѣсколько замѣчаній объ уменьшительныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ. 11) Нѣсколько замѣчаній о Чешскомъ Словникѣ Юнгмана“ [1]). Это письмо писано въ началѣ 1838 года.

II.

Такъ шли работы И. И. Срезневскаго, направляясь то къ статистикѣ, то къ славяновѣдѣнію, то къ этнографіи и исторіи Украины, когда въ Харьковскій университетъ пришла первая вѣсть о предположеніи учредить въ немъ новую каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, долженствовавшую войдти въ число предметовъ университетскаго курса по уставу 1835 года. Каѳедра славяновѣдѣнія долго существовала только на бумагѣ и не могла быть введена вслѣдствіе отсутствія лицъ, имѣвшихъ достаточную подготовку къ преподаванію науки. Въ такомъ положеніи дѣло находилось до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено предложить четыремъ тогда существовавшимъ русскимъ университетамъ избрать изъ среды ихъ членовъ лицъ наиболѣе способныхъ для изученія новой науки съ тѣмъ, чтобы избранныхъ отправить въ заграничное путешествіе по славянскимъ землямъ. Въ Харьковскій университетъ первое предложеніе объ избраніи лицъ для посылки за границу пришло лишь въ октябрѣ 1837 г. Это была бумага управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія оберъ-прокурора графа Протасова на имя помощника попечителя Харьковскаго учебнаго округа (графа А. Н. Панина). „По общему уставу Россійскихъ университетовъ“, гласила бумага, „полагается каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Такъ какъ предметъ сей не входилъ прежде въ составъ университетскаго курса, то нынѣ весьма трудно найдти вполнѣ способныхъ преподавателей онаго. Посему необходимо по крайней мѣрѣ на первый разъ доставить отъ правительства занимающимся означеннымъ предметомъ и желающимъ впослѣдствіи занять въ университетахъ каѳедру средства къ пріобрѣтенію нужныхъ для того свѣдѣній. Господинъ попечитель Московскаго учебнаго округа для достиженія сей цѣли представилъ объ отправленіи одного молодаго ученаго, посвятившаго себя изученію нарѣчій единоплеменныхъ намъ народовъ на два года за границу и преимущественно въ такія страны, которыя представляютъ для него въ семъ отношеніи наиболѣе вспомогательныхъ средствъ. Предположеніе г. попечителя удостоилось по

[1]) Съ черновика.

всеподданнѣйшему докладу моему Высочайшаго утвержденія. Препровождая при семъ вашему превосходительству доставленный отъ графа Строганова планъ таковаго путешествія, покорнѣйше прошу увѣдомить меня, не признаете ли вы, милостивый государь, нужнымъ принять подобныя мѣры для замѣщенія каѳедры славянскихъ нарѣчій во ввѣренномъ вамъ университетѣ и не имѣете ли въ виду способныхъ къ тому лицъ“ [1]). При этой бумагѣ графа Протасова была приложена составленная въ Московскомъ университетѣ „Записка о путешествіи по заграничнымъ славянскимъ землямъ“. Авторъ записки предполагалъ направить путешественника первоначально въ Чехію; здѣсь путешественникъ долженъ былъ познакомиться съ Шафарикомъ, Юнгманомъ, Ганкою, Челяковскимъ, Палацкимъ и др. „тамошними учеными славянофилами“; отъ нихъ онъ могъ научиться нѣкоторымъ славянскимъ языкамъ, почерпнуть предварительныя свѣдѣнія по предмету своихъ занятій и обсудить съ ними подробности дальнѣйшаго путешествія. Изъ Чехіи путь направлялся въ Моравію (Оломуцъ, Брно), затѣмъ въ Вѣну, гдѣ путешественнику предлагалось познакомиться съ Копитаромъ, Караджичемъ, осмотрѣть библіотеки и архивы, обратить вниманіе на славянскія рукописи, старопечатныя книги и акты, привезенные изъ Венеціи, „которые могутъ относиться ко времени пребыванія Венеціанъ въ Крыму“. Далѣе путешественнику надлежало посѣтить Пестъ и Буду, гдѣ жилъ въ то время Колларъ, посѣтить землю Словаковъ и Венгрію, проѣхать въ Штирію, Каринтію, Краину и Хорватію, отсюда отправиться въ Тріестъ, Венецію, Миланъ, Геную, Болонью, Римъ; въ Венеціи рекомендовалось осмотрѣть библіотеки св. Марка, архива и армянскую, „въ коихъ можно отыскать славянскія рукописи, книги и т. д.“, въ Миланѣ—амбросіанскую библіотеку, въ Генуѣ „заняться предметами, относящимися до пребыванія генуезцевъ въ Тавріи“, въ Болоньи ознакомиться съ славянскими рукописями публичной библіотеки, въ Римѣ осмотрѣть библіотеки Барберинскую и Ватиканскую, гдѣ есть славянскія и русскія рукописи. Посвятивъ два мѣсяца на обозрѣніе Италіи, путешественникъ долженъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ объѣздить Далмацію, Герцеговину, Черногорье, Боснію, Сербію, Булгарію и Славонію, войдти въ сношенія съ туземными учеными и литераторами Аппендини, Планчичемъ, Сантичемъ, Казначичемъ, Филипповичемъ, Михали, Милутиновичемъ, Давидовичемъ и др. и отсюда направиться

[1]) Дѣло канцеляріи попечителя Харьк. уч. окр. № 5068, карт. 190, л. 1.

въ Трансильванію, Буковину, Галицію, сѣверо-западную Венгрію (на это полагалось 4 мѣсяца). Изъ Венгріи предлагалось поѣхать въ Силезію „для опредѣленія отношенія языковъ чешскаго и словацкаго къ польскому“ и далѣе въ Лузацію и Саксонію. Здѣсь рекомендовалось „посѣтить Мерзебургъ, гдѣ были епископы Бозо и Варнеръ, обращавшіе славянъ въ христіанскую вѣру, Готу, въ коей осмотрѣть находящуюся въ архивѣ чрезвычайно замѣчательную переписку между царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ и готскимъ герцогомъ Эрнестомъ Карломъ“, далѣе проѣхать въ Кобургъ, Вольфенбиттель, Ганноверъ. Изъ Саксоніи путешественникъ долженъ былъ отправиться на сѣверъ—въ Бременъ, Любекъ, Гамбургъ, гдѣ ему рекомендовалось „заняться изысканіями о торговлѣ тамошнихъ славянъ и сношеніяхъ Ганзы съ Новымъ городомъ“, далѣе въ Шверинъ, Висмаръ, Ростокъ, островъ Рюгенъ (осмотрѣть развалины Арконы), въ герцогства Стрелицкое и Познанское и наконецъ въ Бѣлоруссію. Таковъ былъ громадный планъ путешествія, невѣроятный и смѣшной для нынѣшняго времени, составленный человѣкомъ, очевидно мало и поверхностно знакомымъ съ славянствомъ и вообще со способомъ научныхъ изслѣдованій. Разсмотрѣніе этого плана въ Харьковскомъ университетѣ и обсужденіе вопроса, кто можетъ быть посланъ за границу, было поручено извѣстному Петру Петровичу Гулаку-Артемовскому, лицу, нѣсколько знакомому съ западно-славянскимъ міромъ [1]). Разсмотрѣвъ

[1]) Почти всѣ отзывы о Гулакѣ и о его дѣятельности рисуютъ его далеко не въ привлекательныхъ краскахъ (см. отзывы *Де-Пуле*, *Костомарова*, *Пашкова*). Нелишнимъ считаю привести небольшую характеристику Гулака изъ не напечатанныхъ воспоминаній Чирикова: „Профессоръ, ректоръ, педагогъ-администраторъ—Артемовскій былъ совершеннымъ сыномъ своего времени, притомъ, такъ сказать, офиціальнымъ сыномъ отечества. Онъ являлся правительственно-офиціальнымъ вездѣ—и на лекціяхъ своихъ по русской исторіи, на которыхъ всякій разъ высказывалъ усвоенные имъ вполнѣ николаевскіе принципы самодержавія, православія и народности; онъ гремѣлъ своимъ ораторскимъ гласомъ, говоря о величіи и славѣ Россіи, что обязана своею славою этимъ тремъ незыблемымъ столбамъ нашего отечества; онъ былъ офиціаленъ и импонировалъ на тогдашнее общество, когда на торжественномъ публичномъ актѣ университета, держа себя съ важнымъ достоинствомъ, раздавалъ новопоступившимъ студентамъ шпаги, говоря каждому „поздравляю васъ“. Онъ былъ офиціально-покровительственъ даже въ томъ случаѣ, гдѣ дѣло касалось его личныхъ дѣлишекъ, относительно держанія у себя, по примѣру почти всѣхъ тогдашнихъ профессоровъ, пансіонеровъ студентовъ: принявъ къ себѣ двухъ студентовъ изъ богатыхъ донскихъ казаковъ, опекуны которыхъ платили ему большія деньги, онъ говорилъ: „я пріютилъ у себя двухъ сиротъ“. Онъ былъ офиціаленъ и тогда, когда останавливалъ

бумагу и сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія инструкціи, онъ сообщилъ совѣту университета, что „при нынѣшнемъ совершенномъ у насъ недостаткѣ лицъ, приспособленныхъ къ занятію такой важной каѳедры, дѣйствительно другаго надежнѣйшаго средства не остается, какъ мѣра, предложенная его сіятельствомъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія“ и, что онъ „озаботился отысканіемъ между окончившими курсъ ученія молодыми воспитанниками Харьковскаго университета такого, на котораго можно бы было безошибочно положиться, избравъ его для предполагаемой правительствомъ цѣли“. Выборъ Гулака-Артемовскаго палъ на А. П. Рославскаго-Петровскаго, впослѣдствіи профессора статистики и ректора Харьковскаго университета. „Окончившій въ истекшемъ академическомъ году по бывшему отдѣленію словесныхъ наукъ полный курсъ ученія и удостоенный степени кандидата за отличіе. изъ купеческаго званія Рославскій-Петровскій“, писалъ Артемовскій, „есть, по моему мнѣнію, тотъ молодой человѣкъ, который, какъ по отличнымъ его свѣдѣніямъ и дарованіямъ, такъ и по примѣрно-неукоризненной нравственности, болѣе нежели кто нибудь изъ его сверстниковъ по университету, заслуживаетъ обратить на себя вниманіе начальства въ предстоящемъ случаѣ. Отличаясь значительнымъ запасомъ основательныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ собственно въ наукахъ, онъ соединяетъ съ этимъ преимуществомъ знаніе важнѣйшихъ древнихъ и новѣйшихъ языковъ: греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, французскаго. Занимаясь до сихъ поръ съ нѣкоторымъ предпочтеніемъ собственно науками историческими, онъ, правда, не безъ нѣкоторой робости, но и не безъ восхищенія принялъ сдѣланное мною предложеніе на условіяхъ, которыя имъ обозначены въ прилагаемомъ у сего письмѣ его на мое имя. Если бъ принятіе этихъ условій могло зависѣть собственно отъ меня, я бы ни на минуту не остановился въ удовлетвореніи оныхъ: столько они мнѣ кажутся уважительными, безъ малѣйшаго ущерба пользъ, ожидаемыхъ правительствомъ отъ предположеннаго ученаго путешествія; напротивъ, самый испрашиваемый имъ срокъ отправленія изъ Харькова въ славянскія земли, не обходясь казнѣ ни въ одну копѣйку, могъ бы принести существенную

проходившихъ мимо зданія университета малороссовъ-чумаковъ и вступалъ съ ними въ разговоръ въ присутствіи студентовъ на малорусскомъ языкѣ, который зналъ превосходно, объясняя имъ, что такое университетъ, чѣмъ тутъ занимаются и проч. Словомъ вездѣ важное лицо, государственный мужъ, сановникъ“.

пользу посылаемому въ томъ отношеніи, что онъ просимое имъ десятимѣсячное пребываніе въ Харьковѣ могъ бы употребить съ величайшею пользою на основательное изученіе исторіи собственно славянскихъ племенъ и на пріобрѣтеніе теоретическихъ и отчасти практическихъ познаній въ языкѣ польскомъ сравнительно съ древнимъ церковнымъ языкомъ, также съ нынѣшнимъ русскимъ и нѣкоторыми его областными нарѣчіями. Предварительный въ этомъ отношеніи запасъ свѣдѣній былъ бы для посылаемаго въ славянскія земли такъ важенъ, такъ существенно полезенъ, что на основаніи онаго ему небольшихъ бы усилій стоило послѣ лексикальное и грамматическое изученіе языковъ и нарѣчій чешскаго, словацкаго, сербскаго и другихъ. Ему тѣмъ легче было бы обогатиться этимъ запасомъ, что Харьковъ представляетъ этому нѣкоторыя удобства отчасти въ библіотечныхъ пособіяхъ, а и того болѣе въ живыхъ руководствахъ. Я съ моей стороны не откажусь пособить ему въ этомъ моими наставленіями, сколько то позволяютъ мнѣ посильныя мои способности, равно и г. профессоръ Валицкій готовъ руководствовать его приготовительнымъ образомъ въ изученіи языка польскаго, которое по предполагаемой для него цѣли предварительно принесло бы ему весьма ощутительную пользу“ [1]). Условія Рославскаго, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Гулакъ-Артемовскій, заключались въ томъ, чтобы, во-первыхъ, позволить отложить поѣздку на годъ до августа 1838 года и, во-вторыхъ, по возвращеніи его изъ-за границы допустить прямо къ докторскому экзамену, минуя магистерскій [2]). Эти условія очень характерны и интересно рисуютъ формальное отношеніе Гулака-Артемовскаго къ путешествію въ славянскія земли. Рославскій видимо не хотѣлъ ѣхать. „Получивъ отъ васъ предложеніе посвятить себя изученію славянскихъ языковъ“, писалъ онъ Гулаку, „я долженъ былъ испросить у васъ нѣсколько дней для предварительнаго размышленія, прежде нежели могъ на что нибудь рѣшиться. Съ одной

---

[1]) Дѣло канцеляріи Совѣта Имп. Харьк. унив. № 245, 1837, л. 3—7.

[2]) Рославскій такъ мотивировалъ это второе условіе: „На вторую просьбу мою смѣю надѣяться милостиваго рѣшенія начальства, потому что она кажется справедливою. Занимаясь предпочтительно исторіею и статистикою, я имѣлъ намѣреніе чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ давать экзаменъ на степень магистра этихъ наукъ; но такъ какъ настоящія мои занятія должны отвлечь меня отъ исторіи, то въ уваженіе сего прошу университетское начальство по возвращеніи моемъ изъ-за границы чрезъ десять мѣсяцевъ допустить меня прямо къ докторскому экзамену“. (Дѣло канц. Совѣта Имп. Харьк. унив. № 245, 1837., л. 8—9).

стороны удерживала меня новость предмета, еще мало разработаннаго, который при недостаткѣ средствъ представляетъ большія трудности даже для механическаго изученія, не говоря уже объ ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя находятся еще въ младенческомъ состояніи. Съ другой стороны мнѣ грустно было разставаться съ историческими науками, которыя уже два года составляютъ предметъ постоянныхъ моихъ занятій и съ которыми я, такъ сказать, сроднился. Но тщательнѣйшее размышленіе успокоило всѣ мои сомнѣнія. Въ трудности предлежащаго мнѣ поприща я нашелъ для себя ту утѣшительную сторону, что, при новости предмета, гдѣ еще очень мало сдѣлано другими, гдѣ дорога еще не расчищена, наблюдатель невольно пріучается къ размышленію и, слѣдовательно, скорѣе можетъ достигнуть самостоятельности, столь драгоцѣнной въ области человѣческихъ знаній. Любовью моей къ исторіи я охотно жертвую предмету, представляющему столько привлекательнаго для славянина и русскаго!“ [1]) Гулаку, какъ мы видѣли, не показались странными условія Рославскаго; согласился съ предложеніемъ декана и совѣтъ университета; остановка произошла, благодаря вмѣшательству попечителя Харьковскаго учебнаго округа, графа Юрія Александровича Головкина [2]). Графъ Головкинъ въ эти годы былъ уже дряхлымъ старикомъ (родился 1749 г.). Вельможа екатерининскаго времени, когда-то посланникъ въ Китаѣ, богачъ, содержавшій на свой счетъ нѣсколькихъ стипендіатовъ въ университетѣ и въ гимназіи, онъ пользовался уваженіемъ и среди профессоровъ, и среди студентовъ [3]). Какъ человѣкъ

[1]) Дѣло канц. Совѣта Имп. Харьк. ун. 1837 г., № 245, л. 89.

[2]) По словамъ И. П. Сокальскаго, измѣненіе рѣшенія совѣта послѣдовало со стороны министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова (*Стат. листокъ*, 1883 г. Прил., с. 5). Судя по письму Головкина, это невѣрно: Головкинъ сносился съ министромъ только относительно плана путешествія, измѣненнаго Артемовскимъ-Гулакомъ. Дѣло Совѣта Имп. Харьк. университета 1837 г., № 245, л. 12.

[3]) Пашковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ студента 1840 годовъ“ такъ описываетъ Головкина: „Въ Харьковѣ графъ жилъ мало, а больше за границей; но вліяніе его на университетъ было очень благотворно въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи; въ нравственномъ, потому что самъ онъ былъ просвѣщенный человѣкъ, любилъ науки, поощрялъ и уважалъ ученыхъ...; въ матеріальномъ потому, что графъ содержалъ на свой счетъ нѣсколькихъ гимназистовъ и студентовъ, давалъ на университетъ значительныя суммы своихъ денегъ, на которыя устраивались въ университетѣ и балы и спектакли, имѣвшіе хорошее вліяніе на студентовъ, знакомя ихъ и съ публикою и съ сценическимъ искусствомъ“. (Послѣднее, вѣроятно, имѣло мѣсто лишь въ 1840-хъ гг.). О Головкинѣ см. также статью Кованько (Приб. къ *Харьк. Губ. Вѣд.*, 1859, №40). По словамъ Чирикова, большое вліяніе на него имѣлъ его секретарь Де-Роберти.

зывающееся во всемъ тонѣ его письма къ брату [1]). Въ чемъ заключались затрудненія, почему началась долгая проволочка рѣшенія о посылкѣ за границу съ декабря 1837 по октябрь 1838 г., мнѣ не удалось выяснить; 31 августа 1838 г. послѣдовало разрѣшеніе министра на посылку Измаила Ивановича за границу, но съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно далъ подписку прослужить по назначенію начальства въ званіи преподавателя не менѣе двѣнадцати лѣтъ. Въ октябрѣ 1838 года И. И. Срезневскій представилъ въ совѣтъ Харьковскаго университета такое прошеніе. „Занимаясь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изученіемъ нарѣчій и народностей славянскихъ, я долженъ за особенную милость считать представленіе совѣта университета его сіятельству господину попечителю Харьковскаго учебнаго округа (отъ 20 ноября 1837 г.) объ отправленіи меня за границу для дальнѣйшаго изученія славянскихъ нарѣчій,—за счастье считать согласіе на сіе отправленіе меня его сіятельства господина попечителя и его сіятельства исправляющаго должность министра народнаго просвѣщенія. Обязательства прослужить по возвращеніи изъ-за границы 12 лѣтъ въ званіи преподавателя по назначенію начальства никакъ не могли бы меня заставить и подумать отказаться отъ столь лестной и столь благотворительной помощи попечительнаго правительства, еслибы семейныя обстоятельства мои могли не препятствовать мнѣ. Въ настоящемъ же положеніи, представляя впрочемъ судьбу мою волѣ начальства, осмѣливаюсь усерднѣйше просить совѣтъ университета о нижеслѣдующемъ. Всякому, занимавшемуся изученіемъ славянскихъ нарѣчій, извѣстно, что, несмотря на умноженіе частныхъ словарей этихъ нарѣчій, общаго этимологическаго словаря всѣхъ сихъ нарѣчій, кромѣ частнаго опыта Самуила Богумила Линде, еще до сихъ поръ нѣтъ и, сколько извѣстно, никто въ наше время имъ не занимается,— а что касается до этнографическаго словаря славянскихъ нарѣчій, то о немъ, если исключить частную попытку Вука Стефановича, никто еще и не помышлялъ; и между тѣмъ всякій можетъ судить, какъ необходимъ подобный этнографико-этимологическій словарь славянскихъ нарѣчій, необходимъ и для изученія сихъ нарѣчій и даже для дальнѣйшихъ успѣховъ славянскаго языкознанія вообще. Предполагая, что по возвращеніи изъ путешествія по землямъ славянскимъ я буду

---

[1]) Здѣсь между прочимъ онъ говоритъ о путешествіи въ такихъ словахъ: „Путешествіе меня что-то ужасно пугаетъ, будто угрожая какимъ-то переломомъ въ жизни, рѣшительнымъ и бѣдственнымъ“.

въ силахъ начать исполненіе давно задуманной мною мысли составить подобный словарь, осмѣливаюсь желать позволенія по возвращеніи изъ путешествія, если правительству будетъ угодно назначить меня, прослужить по назначенію начальства въ званіи преподавателя все то время, пока я не буду имѣть счастіе представить наконецъ совѣту университета или куда мнѣ будетъ назначено, весь мой трудъ по возможности вполнѣ оконченнымъ, и во всякомъ случаѣ не менѣе шести лѣтъ. Осчастливленный такимъ порученіемъ, я могъ бы обратить на него особенное вниманіе во время путешествія, и, сколько понимаю предметъ, льщу себя надеждою, что трудъ мой, который буду стараться исполнить со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ, если и не можетъ быть безъ недостатковъ, не будетъ вовсе безполезнымъ въ дѣлѣ славянскаго языкознанія. Я бы счастливъ былъ, еслибы мое смѣлое желаніе найдено было не неумѣстнымъ, и позволяю себѣ обратиться въ совѣтъ университета со всепокорнѣйшею просьбою удостоить меня покровительствомъ исходатайствованія у высшаго начальства отправить меня въ путешествіе по славянскимъ землямъ съ вышеозначеннымъ обязательствомъ“ [1]).

Совѣтъ университета, какъ и слѣдовало ожидать, не согласился съ просьбой Измаила Ивановича и потребовалъ „доставить въ совѣтъ подписку, согласенъ онъ или нѣтъ отправиться на два года за границу для изученія славянскихъ нарѣчій съ обязательствомъ прослужить по возвращеніи по распоряженію начальства въ званіи преподавателя не менѣе 12 лѣтъ“ [2]). Измаилъ Ивановичъ не отвѣчалъ совѣту университета; требованіе о доставленіи подписки было два раза повторено; наконецъ въ третій разъ требованіе было снабжено угрозой довести до свѣдѣнія попечителя о молчаніи. Причина молчанія крылась въ томъ обстоятельствѣ, что въ то самое время, когда длилась эта переписка (въ теченіе октября-декабря 1838 года) и обсуждался вопросъ о посылкѣ Измаила Ивановича за границу для изученія славянскихъ нарѣчій,—въ то самое время рѣшалось другое столь же близкое Измаилу Ивановичу дѣло о его докторской диссертаціи. Рѣшеніе участи диссертаціи должно было опредѣлить, будетъ ли Измаилъ Ивановичъ по-прежнему профессоромъ статистики или, покинувъ старыя работы, пойдетъ по новой дорогѣ славяновѣдѣнія. Принятія

---

[1]) Дѣло канцеляріи Совѣта Имп. Харьк. университета 1837 г., № 245, л. 24—25.

[2]) Ibid., л. 26.

или непринятія диссертаціи и ждалъ Измаилъ Ивановичъ, ждалъ напряженно, потому что, вѣроятно, въ университетѣ уже ходили разнорѣчивые толки объ участи его работы. Написанная на тему: „Должна ли политическая экономія зависѣть отъ статистики“, она между прочимъ проводила мысль о подчиненномъ положеніи политической экономіи по отношенію къ статистикѣ. Новизна и смѣлость воззрѣній автора возбудили противъ него большинство профессоровъ университета. Окончательный приговоръ надъ диссертаціей былъ произнесенъ въ засѣданіи 16 декабря 1838 г. Изъ собравшихся членовъ юридическаго факультета и I отдѣленія философскаго факультета противъ диссертаціи высказались проректоръ университета, ординарный профессоръ Степановъ, деканъ I отдѣленія философскаго факультета ординарный профессоръ Артемовскій-Гулакъ, ординарные профессора Куницынъ, Платоновъ, Гордѣенко 1, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Якимовъ, а также исправляющій должность экстраординарнаго профессора Протопоповъ, за болѣзнью не присутствовавшій въ засѣданіи; послѣдній впрочемъ, не одобривъ диссертаціи вообще, не могъ не отмѣтить въ своей запискѣ, что признаетъ „въ сочинителѣ оной большую начитанность и свѣдѣнія“. За диссертацію высказались наиболѣе почтенные профессора Валицкій и извѣстный историкъ Лунинъ; наконецъ отказались по болѣзни сообщить свое мнѣніе о диссертаціи Мицкевичъ и Сокальскій [1]). Такимъ образомъ большинство голосовъ оказалось противъ диссертаціи, и участь ея рѣшилась [2]). Приговоръ ученаго синклита нанесъ тяжелый ударъ самолюбію молодаго профессора; но теперь жребій былъ брошенъ, и изъ двухъ дорогъ можно было уже съ увѣренностью выбрать ту, которая раньше страшила своею неизвѣстностью: 7-го января 1839 г. Измаилъ Ивановичъ донесъ въ совѣтъ университета о полномъ своемъ согласіи отправиться за границу для изу-

[1]) Изъ дѣла Совѣта Имп. Харьк. университета объ отказѣ адъюнкту Срезневскому въ докторской степени. 1838 г., № 135.

[2]) Говорятъ, что участвовавшіе въ засѣданіи профессора долго не могли прійдти ни къ какому соглашенію; мнѣніе противниковъ диссертаціи одержало верхъ, когда къ нему присоединился деканъ философскаго факультета Гулакъ-Артемовскій и сказалъ приблизительно слѣдующее: „въ настоящее время сапожникъ поставляетъ вамъ для воспитанниковъ сапоги съ круглыми носками. Что бы стали дѣлать, если бы онъ цѣлую партію сапогъ вмѣсто круглыхъ изготовилъ съ треугольными? Разумѣется, мы не приняли бы ихъ. Въ такомъ положеніи находится и Срезневскій съ его необычными взглядами, которые мы не можемъ признать правильными“ (*А. Ѳ. Бычковъ*, Отчетъ о дѣят. отд. русск. яз. за 1880 г., 26).

ченія славянскихъ нарѣчій съ тѣми условіями, которыя были поставлены въ первомъ предложеніи совѣта. Длинный рядъ необходимыхъ формальностей отсрочилъ отправленіе Измаила Ивановича въ путешествіе еще на цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Завязалась переписка между профессорами и факультетомъ, факультетомъ и совѣтомъ университета, совѣтомъ и канцеляріею попечителя, попечителемъ и министерствомъ; началось составленіе инструкціи для путешествія (это было поручено Гулаку-Артемовскому и Валицкому) [1]); потянулись справки о подорожной, о деньгахъ на путешествіе, почему-то долго безплодныя. Между тѣмъ Измаилъ Ивановичъ безостановочно продолжалъ свои учено-литературныя работы, печаталъ отвергнутую диссертацію, въ то же время готовясь къ путешествію. „Въ ожиданіи полученія билета (на выпускъ диссертаціи),—писалъ онъ Снегиреву,—я отправляюсь въ маленькое путешествіе по Малороссіи—недѣли на двѣ или на три. Авось обогащу свой запасъ малороссійскихъ народностей; авось успѣю изъ этого маленькаго путешествія сдѣлать для себя образчикъ того, что долженъ буду сдѣлать въ большомъ размѣрѣ, если буду утвержденъ на путешествіе по славянскимъ землямъ“ [2]). Какъ видно изъ писемъ къ Е. И. Срезневской и подневныхъ записокъ Измаила Ивановича, онъ побывалъ во время этой прогулки въ мѣстности по направленію: Харьковъ—Богодуховъ—Ахтырка — Зеньковъ — Гадячъ — Ромны — Лохвица—Лубны—Хоролъ—Полтава—Харьковъ [3]). Это было въ началѣ іюля 1839 г. Въ томъ же

[1]) Небезъинтересенъ взглядъ на инструкцію Анастасевича. „Замѣчательная въ васъ наблюдательность“, писалъ онъ И. И. Срезневскому,—„даръ необходимый для путешественника,—ручается мнѣ, что никакія университетскія инструкціи не могутъ указать вамъ тѣхъ предметовъ, которыми вы будете умѣть воспользоваться, и вѣкогда обогатите ими родину и отечество. Вы вступаете въ славянскій міръ въ самое благопріятное время, когда онъ послѣ долгой дремоты пробуждается съ такою силою, какъ свойственно утомленному силачу, выспавшемуся богатырскимъ сномъ, и съ надеждою, что оставшіяся на пути его въ даль препятствія уже гораздо слабѣе прежнихъ преодолѣнныхъ“. (Письмо 26 авг. 1839 г.).

[2]) Письмо И. М. Снегиреву 24-го іюня 1839 г. изъ собранія автографовъ Имп. Публичной библіотеки.

[3]) Дневникъ интересенъ между прочимъ тѣмъ, что даетъ понятіе о взглядахъ Измаила Ивановича на предметъ наблюденія; среди обыкновенныхъ замѣтокъ о мѣстностяхъ, о встрѣчахъ авторъ заноситъ въ свой дневникъ ряды статистическихъ данныхъ о движеніи населенія, о числѣ жителей, свѣдѣнія о ихъ занятіяхъ, торговлѣ, промышленности, данныя о посѣвахъ, урожаяхъ, количествѣ земли, годной для той или другой обработки, о породахъ деревьевъ въ лѣсахъ и садахъ

іюлѣ (8-го числа) состоялось наконецъ Высочайшее повелѣніе о командированіи Срезневскаго за границу на два года „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ"; канцеляріи, однако, протянули дѣло еще на два мѣсяца: только 11-го сентября добралась до Харькова подорожная для путешествія въ Петербургъ, куда надо было ѣхать все-таки на свой счетъ и гдѣ уже личными хлопотами нужно было добиться и заграничнаго паспорта и денегъ на путешествіе. 17-го сентября Измаилъ Ивановичъ выѣхалъ изъ Харькова.

Такъ окончился первый періодъ литературно-научной дѣятельности И. И. Срезневскаго, время юношескихъ увлеченій работами по исторіи и народной словесности Украины, занятій по статистикѣ и политической экономіи, стремленій къ профессурѣ, первыхъ чтеній въ университетскихъ аудиторіяхъ, первыхъ опытовъ научныхъ трудовъ. Путешествіе въ столицы и за предѣлы Россіи раздвинуло горизонты молодого ученаго; черезъ три года онъ вернулся въ Харьковъ совсѣмъ инымъ—не юношей, пробующимъ свои силы, а законченнымъ ученымъ съ опредѣленными взглядами на науку и человѣкомъ, готовымъ къ жизни. Къ прежнимъ занятіямъ онъ уже не вернулся.

Вс. Срезневскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Предисловіе къ „Запорожской Старинѣ" [1]).

Издавая въ свѣтъ мое собраніе Запорожскихъ пѣсень и думъ, я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину Запорожскую,—бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ, который своею храбростію и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже малую Азію особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ, и образомъ жизни, и харак-

---

и пр. На ряду съ этими свѣдѣніями, въ выборѣ которыхъ сказывается бывшій статистикъ спеціалистъ, мы находимъ данныя по исторіи посѣщенныхъ мѣстностей, описаніе мѣстной старины, обозрѣніе храмовъ, церковныхъ ризницъ, обширныя выписки изъ историческихъ рукописей, далѣе свѣдѣнія о курганахъ, городищахъ, наконецъ записи пѣсенъ.

[1]) Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника. Прим. ред.

теромъ, будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства. Лѣтописи Украинскія повѣствуютъ только о подвигахъ сего народа, касаясь очень рѣдко до внутренней жизни его, и самыя даже подвиги описываютъ иногда кратко, иногда невѣрно, забивчиво, часто противорѣча одна другой. Еще менѣе заслуживаютъ вниманія лѣтописи Польскія; еще менѣе — лѣтописи Молдавскія, наконецъ Русскія лѣтописи почти ничего не говорятъ о Запорожцахъ. Эта бѣдность исторіи Запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ,— и онъ находитъ для своихъ изслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ вольниковъ Запорожскихъ во всѣ ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями, подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ,

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

И доселѣ на Украинѣ есть какъ бы особенный цѣхъ стариковъ, кои то подъ названіемъ и ремесломъ нищихъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село, и тѣшатъ народъ своей игрою на бандурѣ [1]), своими печальными напѣвами пѣсенъ и думъ старинныхъ, своими разказами про былое.

Въ памяти сихъ стариковъ, живетъ старина Запорожская, и въ семъ отношеніи сіи старики важнѣе всякихъ лѣтописей. Хотя преданія о старинѣ, ими разказываемыя, и подлежатъ строгой критикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необходимы для всякаго, кто желаетъ знать исторію Запорожцевъ и даже остальной Украины. Что касается до событій, до внѣшней исторіи народа, какъ называютъ Нѣмцы, то въ сихъ преданіяхъ могутъ быть ошибки въ мелочахъ,—въ именахъ собственныхъ, въ послѣдовательности происшествій. Этого рода преданія можно повѣрить лѣтописями, еще лучше свѣрить ихъ между собою; ибо ни ложь ни ошибка не можетъ быть общею, одинъ бандуристъ скажетъ такъ, другой иначе; критика поможетъ отличить истину отъ

[1]) Инструментъ въ родѣ гитары о 12-ти и даже о 28 струнахъ. *Нечаевъ* упоминаетъ о *пандурѣ*, похожемъ на цитру и употребляемомъ горцами. См. Полярную Звѣзду на 1825. стр. 235.

вымысла. Другой родъ преданій бандуристовъ—о бытѣ, нравахъ обычаяхъ Запорожцевъ, то-есть о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоцѣнны, ибо единственны въ своемъ родѣ и по содержанію, и по обширности. — Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другаго рода суть пѣсни и думы.

И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками,—старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго сладкогласія, ни изнѣженности чувствъ, ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ нихъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи,—все порывисто подобно полету ураганъ степнаго, подъ глухія завыванья котораго онѣ взлелѣяны,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, но какъ кипучая волна Ненасытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго сквозь прозрачную кору льда, ее покрывающую, — пробивается, и застываетъ на оной. То пѣсни юноши, коего сердце, почорствѣвши для умильнаго чувства любви, суровое, непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи,—питается однимъ желаніемъ битвъ,—юноши, который, неравнодушно взирая на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагой, самонадѣянностію.—То думы старца: убѣленная лѣтами голова его покоится на изголовьи могилы, готовой принять его въ свои нѣдра, его надежды исчезли будто дымъ сновидѣній; но его душѣ осталась еще одна услада, — то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбуждающіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнила ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго.—Въ пѣсняхъ выразилась лирика и драматика народной поэзіи Запорожцевъ; въ думахъ—мрачный, холодный эпизмъ.

Таковъ общій характеръ думъ и пѣсней Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора—беллетристика, важны для

историка и этнографа. Подчиненныя музыкѣ, будучи вытверживаемы слово въ слово, или почти такъ, онѣ подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мнѣній, наклонностей народа: онѣ суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думахъ говорится о повѣствуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ; языкъ многихъ изъ нихъ, какъ замѣтилъ уже и К. Цертелевъ, устарѣлъ и для самыхъ Украинцевъ, между тѣмъ какъ языкъ народа необразованнаго, то-есть не имѣющаго своей письменной литературы, измѣняется чрезвычайно слабо и медленно.

Пѣсни и думы Запорожскія по предмету можно раздѣлить вообще на два рода: первый родъ заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы, собственно историческія, то-есть имѣющія предметомъ повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ историческихъ; второй родъ можно назвать этнографическимъ, онъ заключаетъ въ себѣ пѣсни походныя, разгульныя, сатирическія,—думы нравоучительныя, религіозныя и проч. Первый родъ важенъ преимущественно для внѣшней исторіи Запорожцевъ, второй для исторіи внутренней. Сіе раздѣленіе употребилъ и я въ настоящемъ изданіи. Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмѣльницкаго.

Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣсень и думъ Запорожскихъ издано было очень мало: К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пѣсню, Максимовичъ—около двадцати пѣсень; всего не болѣе 40 пьесъ, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоизвѣстность памятниковъ поэзіи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользѣ оныхъ для исторіи Запорожцевъ—побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, почтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною; большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся

въ различныхъ спискахъ, свѣрить списки, выбрать изъ нихъ лучшее,—наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ. Не думаю, чтобы въ сей первой тетради были всѣ пѣсни и думы, относящіяся къ историческимъ событіямъ и лицамъ до Богдана Хмельницкаго: можетъ быть здѣсь нѣтъ и половины, и того болѣе; по крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все что могъ; впрочемъ, предоставляя другимъ сдѣлать лучше, я не отказываюсь отъ продолженія сего труда, и все, что вновь соберу, буду издавать въ Дополненіяхъ. Въ сей тетради помѣщены подлинники пѣсень и думъ, и варіанты. Не прилагаю словаря, надѣясь современемъ издать полный словарь Украинско-Запорожскаго нарѣчія.

Наконецъ,—я употребилъ для пѣсней и думъ Запорожскихъ свое правописаніе, и потому нахожу нужнымъ представить главныя основанія онаго.

До сего времени появилось очень много мнѣній и правилъ относительно правописанія для языка Украинскаго; но большая часть сподвижниковъ на семъ поприщѣ отличались или любовію къ чумацкой грубости выговора, или чопорностію и многообразіемъ своихъ правилъ. Болѣе другихъ любопытны мнѣнія Максимовича, изложенныя въ Предисловіи къ его собранію малороссійскихъ пѣсень. Видно, Максимовичъ вѣрно подслушалъ мѣстные выговоры; но его правописаніе, будучи совершенно противно общему мнѣнію и употребленію, заведенному издавна, и притомъ не полно выражено въ правилахъ, не можетъ быть употребляемо вездѣ и всегда. Надобно было сохранить правильность выговора, не отдаляясь отъ общественнаго употребленія,—и между тѣмъ, для пользы самаго же языка не оставить безъ вниманія этимологію. Я нарочно пересматривалъ всѣ лѣтописи, бумаги, письма,—словомъ все, что попадалось мнѣ подъ руки писаннаго на Украинскомъ языкѣ; прислушивался къ различнымъ мнѣніямъ; и наконецъ, сообразивши все, вывелъ для себя свои правила правописанія Украинскаго. Я почитаю ихъ самими лучшими; но, будучи подверженъ возможности ошибаться, отдаюсь на судъ и толки знатоковъ. Можетъ быть въ моихъ правилахъ найдутся ошибки, недомолвки, перемолвки и т. п. Можетъ быть—а чего не можетъ быть?—Можетъ быть вся связь моихъ правилъ есть одна огромная ошибка. Впрочемъ я вовсе не думаю о самолюбивомъ защищеніи себя и своего; мнѣ даже гораздо пріятнѣе будетъ встрѣтить противниковъ съ доказательствами неосновательности и неправильности моихъ мнѣній,

нежели защитниковъ съ похвалами: только отъ первыхъ могу ожидать истиннаго сужденія. И такъ:

1. Согласныя буквы я пишу всегда слѣдуя выговору народному, исключая буквъ *ф* и *хв*: Украинцы выговариваютъ *ф* какъ *хв*, а *хв* какъ *ф*.

2. Полугласныя буквы также пишутся по выговору, исключая одинъ случай, когда должно показать корень, напримѣръ въ словѣ вiйсько (войско) *й* не выговаривается, но его должно писать, ибо не видно будетъ происхожденія слова; *ъ* въ семъ словѣ хотя и не нуженъ по происхожденію, но его требуетъ выговоръ.

3. Гласныя буквы. Между ними различить должно твердыя отъ мягкихъ:

Твердыя: *а*, *е*, *и*, *ы*, *о*, *у*.

Мягкія: *я*, *é*, *î*, *ѝ*, *и́*, *ё*, *ю*.

Твердыя: *а*, *о*, *у*,—выговариваются и употребляются какъ и въ Русскомъ языкѣ; *е*, употребляясь также какъ въ Русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ Русское *э*, или Французское *è*; *и*, *ы*—употребляются тамъ же гдѣ и по Русски, но выговариваются иначе, обѣ какъ Польское или Богемское *y*, то-есть немного мягче Русскаго *ы*, имѣя срединный звукъ между Русскимъ *ы* и *э*.

Мягкія вообще выговариваются какъ и по Русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная *ъ*; напримѣръ: люди—какъ льюди; ѣхать, по Украински *їхати*, выговаривается *ъїхати*. Буквы: *я*, *е*, *ю* — употребляются тамъ же, гдѣ по Русски; буквы: *é*, *и́*—тамъ гдѣ твердыя *е*, *и*—выговариваются мягко; *î*, *ѝ*—гдѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мягкаго *и*.

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: *е*, *і*, *и*, *ы*—выговариваютъ мягко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква.

Вотъ все, что я считалъ нужнымъ объяснить предварительно моимъ читателямъ.

Предаю на судъ благосклонности трудъ мой, и не премину воспользоваться совѣтами, если только буду ими удостоенъ.

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ.
1833 года Апрѣля 2.

311
37

ТРЕТІЙ СПИСОКЪ

СОЧИНЕНІЙ И ИЗДАНІЙ

ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСКАГО,

ИМѢЮЩИХСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ [1]).

1. О производительности или пользѣ жизни народонаселеній. Харьковъ. 1848. 8°. 22 стр. 20 к.
2. Очерки Трансильваніи. С.-Пб. 1849. 8°. 82 стр. (подп. И. Вознесенскій). 20 к.
3. Карта Венгріи, Галиціи и прилежащихъ къ нимъ земель. С.-Пб. 1849. 8°. 1 р.
4. Прильвицкія древности. Новое сочиненіе Яна Колара: „Die Götter von Retra“. С.-Пб. 1851. 8°. 15 стр. и 3 листа рисунковъ. 50 к.
5. Русь Угорская. Отрывокъ изъ опыта географіи Русскаго языка. С.-Пб. 1852. 8°. 28 стр. 30 к.
6. Образцы Кашебскаго нарѣчія, собранные г. Цейновою и приготовленные къ печати И. И. Срезневскимъ. С.-Пб. 1852. 8°. 16 стр. 20 к.
7. Программа для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности. С.-Пб. 1852. 8°. 4 стр. 20 к.

---

[1]) Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., № 37, на имя В. И. Срезневскаго (при высылкѣ пяти и болѣе экземпляровъ дѣлается уступка 20%).

8. Глагольныя частицы. С.-Пб. 1853. 8°. 4 стр. 10 к.
9. Обозрѣніе замѣчательныхъ изъ современныхъ словарей. С.-Пб. 1854. 8°. 61 стр. 50 к.
10. Разборъ (вмѣстѣ съ П. А. Плетневымъ) сочиненія подъ заглавіемъ: „Пѣсни разныхъ народовъ“, переводъ Н. Берга. С.-Пб. 1855. 8°. 12 стр. 20 к.
11. Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина. С.-Пб. 1856. 8°. 88 стр. 1 р.
12. Юго-западные Славяне. С.-Пб. 1856. 8°. 13 стр. 10 к.
13. Разборъ сочиненія І. М. Бодянскаго подъ заглавіемъ: „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“. С.-Пб. 1856. 8°. 6 стр. 10 к.
14. Mater verborum Чешскаго музея. Съ рисункомъ. С.-Пб. 1857. 4°. 6 столб. 50 к.
15. Разборъ сочиненія А. Майкова подъ заглавіемъ: „Исторія Сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа“. С.-Пб. 1859. 8°. 5 стр. 10 к.
16. Разборъ сочиненія о. архимандрита Саввы подъ заглавіемъ: „Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки“. С.-Пб. 1859. 8°. 8 стр. 10 к.
17. О Французскихъ словаряхъ по поводу словаря А. П. Поатвеня. С.-Пб. 1860. 8°. 22 стр. 20 к.
18. Палеографическія замѣтки, сдѣланныя во время путешествія лѣтомъ 1860 года. С.-Пб. 1860. 8°. 17 стр. 20 к.
19. Разборъ сочиненія г. Гильфердинга: „Поѣздка по Герцеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи“. С.-Пб. 1860. 8°. 6 стр. 10 к.
20. Разборъ сочиненія В. И. Ламанскаго: „О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и въ Испаніи“. С.-Пб. 1860. 8°. 6 стр. 10 к.
21. Грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. съ приложеніемъ двухъ другихъ грамотъ князя Всеволода и извѣстій о Юрьевскомъ евангеліи 1120—1128 г. С.-Пб. 1860. 8°. 36 стр. 50 к.
22. Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. 2-я часть. С.-Пб. 1860. 8°. 88 стр. 80 к.
23. Монета великаго князя Игоря. С.-Пб. 1861. 8°. 5 стр. 20 к.
24. Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ Славянскихъ народныхъ пѣсенъ. С.-Пб. 1861. 8°. 34 стр. 50 к.

25. 19-е мая 1859 г. Въ память П. С. Савельева по случаю его кончины (съ портретомъ П. С. Савельева). С.-Пб. 1861. 8°. 16 стр. 50 к.
26. Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ. С.-Пб. 1861. 8°. 55 стр. 30 к.
27. Чтеніе о древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ. С.-Пб. 1862. 8°. 48 стр. 25 к.
28. Антиминсъ 1149 г. С.-Пб. 1862. 4°. 4 стр. 20 к.
29. Хоженіе Богородично по мукамъ. С.-Пб. 1863. 4°. 16 стр. 25 к.
30. Древній Византійскій ковчежецъ. С.-Пб. 1863. 8°. 31 стр. 30 к.
31. Напись въ Нередицкой церкви близъ Новгорода до 1200 г. С.-Пб. 1863. 8°. 8 стр. 20 к.
32. Мнѣніе о трудахъ архимандрита Амфилохія: 1) „Изслѣдованіе о Пандектѣ Антіоха XI вѣка“; 2) „Словарь старо-Славянскаго церковнаго языка по Пандекту Антіоха“; 3) „Мѣста св. писанія изъ Пандекта Антіоха“. С.-Пб. 1863. 8°. 3 стр. 10 к.
33. Разборъ сочиненія священника Михаила Морошкина подъ заглавіемъ: „Славянскій именословъ или собраніе Славянскихъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ“. С.-Пб. 1863. 8°. 8 стр. 10 к.
34. Древнія Русскія книги. Палеографическій очеркъ. С.-Пб. 1864. 4°. 41 стр. 2 р.
35. Воспоминаніе о трудахъ В. М. Ундольскаго. С.-Пб. 1865. 8°. 6 стр. 10 к.
36. Разборъ словаря Бѣлорусскаго нарѣчія г. Носовича. С.-Пб. 1866. 8°. 10 стр. 10 к.
37. Разборъ сочиненія И. Носовича: „Алфавитный указатель старинныхъ словъ, извлеченныхъ изъ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, изданныхъ въ 1853 г.“. С.-Пб. 1866. 8°. 4 стр. 15 к.
38. Разборъ сочиненія В. Похилевича подъ заглавіемъ: „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи, или статистическія, историческія и церковныя замѣтки о всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ, въ предѣлахъ губерніи находящихся“. С.-Пб. 1866. 8°. 3 стр. 15 к.
39. Нѣсколько словъ въ дополненіе къ статьѣ: „О трудахъ А. Б. Шлейхера“. С.-Пб. 1867. 8°. 4 стр. 10 к.
40. О Русскомъ правописаніи. Письмо 1-е. С.-Пб. 1867. 8°. 32 стр. 20 к.

41. Древнія изображенія великаго князя Владимира и великой княгини Ольги (съ 5-ю рисунками). М. **1867**. 4°. 7 стр. 1 р.
42. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Часть I-ая. С.-Пб. **1867**. VIII+86+96+88+100+16 стр. 8°. 1 р. 50 к.—Часть II-ая. С.-Пб. **1876**. VI+579 стр. 8°. 1 р. 50 к.—Часть III-я. С.-Пб. **1879**. 8°. 192 стр. 1 р.—Часть IV-ая. С.-Пб. **1881**. 8°. 25 стр. 15 к.
43. Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи. (Разборъ труда Горскаго и Невоструева). С.-Пб. **1867**. 8°. 18 стр. 20 к.
44. Древніе Славянскіе памятники юсового письма. С.-Пб. **1868**. 8°. 7+192+416+24 стр. 1 р. 50 к.
45. Труды Юго-Славянской академіи наукъ и художествъ. С.-Пб. **1868**. 8°. 14+8 стр. 20 к.
46. Воспоминаніе о научной дѣятельности Евгенія, митрополита Кіевскаго. С.-Пб. **1868**. 8°. 64 стр. 50 к.
47. Чтеніе о языкѣ Крылова. С.-Пб. **1869**. 8°. 16 стр. 20 к.
48. О научныхъ упражненіяхъ студентовъ (письмо по поводу записки проф. Дройзена). С.Пб. **1869**. 8°. 19 стр. 15 к.
49. Отзывъ о сочиненіи г. Макушева: „Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника". С.-Пб. **1870**. 8°. 3 стр. 10 к.
50. Изъ изслѣдованія о древнѣйшихъ памятникахъ глаголицы Хорватскаго письма. С.-Пб. **1870**. 8°. 7 стр. 10 к.
51. Разборъ сочиненія А. Павлова: „Первоначальный Славяно-Русскій номоканонъ (М. 1869). С.-Пб. **1870**. 8°. 6 стр. 10 к.
52. Разборъ сочиненія А. Попова: „Обзоръ хронографовъ Русской редакціи". С.-Пб. **1870**. 8°. 10 стр. 10 к.
53. Рецензія рукописнаго сочиненія г. Голубинскаго: „Святые Константинъ и Меѳодій, апостолы Славянскіе". С.-Пб. **1870**. 8°. 7 стр. 10 к.
54. Греческая Иверская кормчая IX—X в. съ собраніями каноновъ и законовъ Іоанна Схоластика въ Синодальной Московской библ. № 398/373. С.-Пб. **1871**. 8°. 40 стр. 25 к.
55. Замѣчанія о Русскомъ тайнописаніи. С.-Пб. **1871**. 8°. 10 стр. 10 к.
56. Замѣчанія объ изученіи Русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. С.-Пб. **1871**. 8°. 23 стр. 20 к.

57. Пандекты Никона Черногорца въ Русскомъ спискѣ XII в. С.-Пб. 1871. 8°. 8 стр. 10 к.

58. Нѣсколько припоминаній о Супрасльской рукописи XI в. С.-Пб. 1872. 8°. 3 стр. 10 к.

59. Одна изъ замѣтокъ объ образованіи словъ. Ипатьевскій—Ипатскій. С.-Пб. 1872. 8°. 6 стр. 10 к.

60. Пандекты Никона Черногорца по древнему переводу. С.-Пб. 1872. 8°. 5 стр. 10 к.

61. Описаніе рукописей библ. А. И. Хлудова. Сост. Андрей Поповъ. (Отзывъ). С.-Пб. 1872. 8°. 9 стр. 10 к.

62. Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями. С.-Пб. 1873. 8°. XL+504 стр. 1 р. 50 к.

63. Замѣчанія объ образованіи словъ изъ выраженій. С.-Пб. 1873. 8°. 12 стр. 10 к.

64. Труды П. И. Савваитова. С.-Пб. 1872. 8°. 9 стр. 10 к.

65. К. И. Невоструевъ. С.-Пб. 1873. 8°. 4 стр. 10 к.

66. Сказаніе объ антихристѣ въ Славянскихъ переводахъ съ замѣчаніями о Славянскихъ переводахъ твореній св. Ипполита. Съ прилож. снимковъ. С.-Пб. 1874. 8°. 64 + 130 стр. 8 табл. снимковъ. 2 р.

67. Нѣсколько замѣчаній объ антиминсахъ. С.-Пб. 1874. 8°. 23 стр. 20 к.

68. Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи Русской археологіи. С.-Пб. 1874. 4°. 15 стр. 30 к.

69. Александръ Ивановичь Тургеневъ. Нѣсколько о немъ припоминаній. 1785—1845. С.-Пб. 1875. 8°. 22 стр. 20 к.

70. Замѣтка объ изданіи: „Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи“, издаваемые П. Н. Батюшковымъ, 1867—1874 гг., 6-й вып. С.-Пб. 1875. 8°. 4 стр. 10 к.

71. Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности. С.-Пб. 1875 8°. 20 стр. 20 к.

72. О древней глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской духовной академіи. Кіевъ. 1876. 4°. 21 стр. 1 р.

73. Палеографическія наблюденія по памятникамъ Греческаго письма С.-П 1876. 8°. XVI + 84 стр. 35 к.

74. Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Біографическій очеркъ. С.-Пб. 1876. 8°. 27 стр. 20 к.
75. Свѣдѣнія о современной Сербіи (по поводу книги М. Ю. Миличевича). С.-Пб. 1877. 8°. 15 стр. 20 к.
76. Воспоминаніе о П. М. Строевѣ. С.-Пб. 1877. 8°. 20 стр. 20 к.
77. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи проф. А. А. Потебнѣ и записка о его трудахъ. С.-Пб. 1878. 8°. 44 стр. 30 к.
78. Дополнительныя замѣчанія на статью А. О. Патеры: „Чешскіе глоссы въ Mater verborum". С.-Пб. 1878. 8°. 152 стр. 60 к.
79. На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ Славянской филологіи. С.-Пб. 1878. 8°. 47 стр. 50 к.
80. Фріульскіе Славяне. С.-Пб. 1878. 8°. 91 стр. 60 к.
81. Замѣчанія о книгѣ С. А. Гедеонова: „Варяги и Русь". С.-Пб. 1878. 8°. 35 стр. 20 к.
82. Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки. Сочиненіе арх. Амфилохія (М. 1876). Отзывъ. С.-Пб. 1878. 8°. 6 стр. 10 к.
83. Замѣчанія по поводу сочиненія: „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-Русскій край... Матеріалы и замѣтки, собранные П. П. Чубинскимъ". С.-Пб. 1880. 8°. 5 стр. 10 к.
84. Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова. С.-Пб. 1881. 8°. 23 стр. 25 к.
85. Фріульскіе Славяне. С.-Пб. 1881. 8°. 56 стр. 25 к.
86. О Русскихъ древностяхъ Казанской губ. и средняго Поволжья до XVI в. Казань. 1882. 4°. 4 стр. 10 к.
87. Древніе памятники Русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Изд. 2-е. С.-Пб. 1882. 4°. III + 390 стр. 2 р.
88. Славяно-Русская палеографія XI—XIV вв. С.-Пб. 1885. 8°. VIII + 261 стр. 2 р.
89 [1]). Мысли объ исторіи Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій. С.-Пб. 1887. 8°. VI + 164 стр. 1 р. 50 к.

[1]) Ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія рекоменд. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

90. Палеографическій снимокъ текста Русской правды по Новгородской кормчей книгѣ XIII в. С.-Пб. 1888. 4°. III стр. текста и 26 стр. снимка.—Замѣчанія къ палеографическому снимку Русской правды. С.-Пб. 1889. 4°. 4 стр. 1 р. 50 к.
91. Матеріалы для словаря древне-Русскаго языка. Томъ первый (1—3 вып.). С.-Пб. 1893. 4°. VII + 49 + 1420 ст. 3 р. Отдѣльно выпуски 1, 2 и 3 I-го тома по 1 р.—Томъ второй, вып. 1-й. С.-Пб. 1895. 4°. 1 р.—Томъ второй, вып. 2-й. С.-Пб. 1898. 4°. Томъ второй, вып. 3-й. С.-Пб. 1900. 1 р.
92. Вступительная лекція въ курсъ исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій (чит. 16-го окт. 1842 г.). С.-Пб. 1893 8°. 24 стр. 30 к.
93. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ Е. И. Срезневской 1839—1842 гг. С.-Пб. 1895. 8°. X + 374 стр. и карта 3 р.
94. Обозрѣніе древнихъ Русскихъ списковъ кормчей книги. С.-Пб. 1897. 8°. VI + 154 + 207 стр. 2 р.
95. Древніе памятники Русскаго письма и языка. Снимки С.-Пб. 1898. 4°. 5 р.
96. Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. С.-Пб. 1899. 8°. 183 стр. 1 р.
97. Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ Русскаго языка. С.-Пб. 1899. 8°. 36 стр. 30 к.
98. Изъ библіографическихъ статей. С.-Пб. 1899. 8°. 160 стр. 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1-го Ноября 1899 г.

Типографія А. Яковсона Насл. (В. О., 7-я л., № 4).